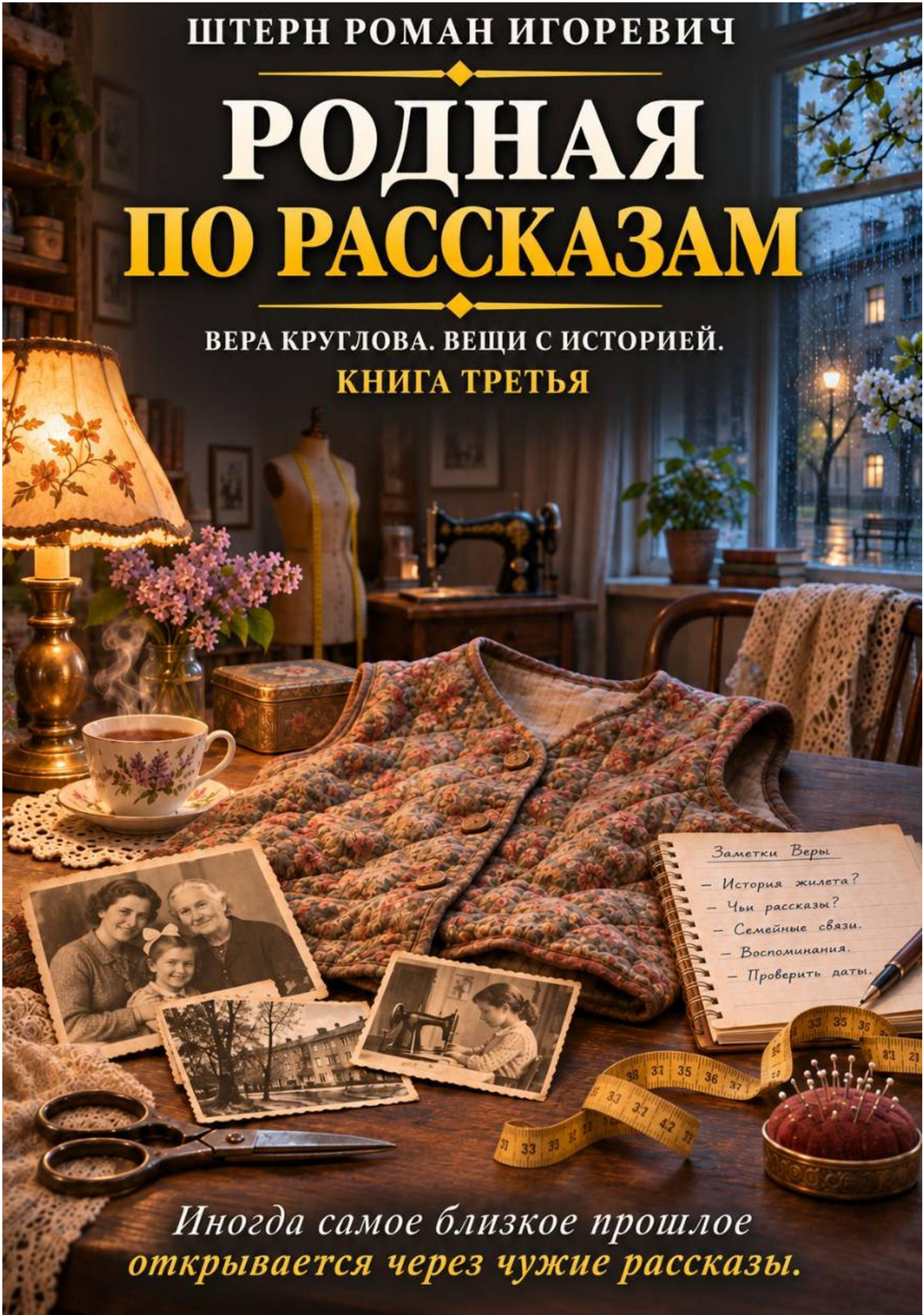
ШТЕРН РОМАН ИГОРЕВИЧ

РОДНАЯ ПО РАССКАЗАМ

ВЕРА КРУГЛОВА. ВЕЩИ С ИСТОРИЕЙ.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Иногда самое близкое прошлое
открывается через чужие рассказы.

Роман Штерн

Родная по рассказам

«Автор»
2026

Штерн Р. И.

Родная по рассказам / Р. И. Штерн — «Автор», 2026

После долгой разлуки к Евдокии Кирсановой возвращается старшая дочь. Знакомые рассказы и привезённые вещи убеждают лучше любых документов. Но Вера Круглова замечает странность: женщина неверно описывает, как носила жилет, который Вера когда-то переделала. Проверить имя необходимо — особенно когда за семейной радостью стоит спор о невозвращённом займе. Третья книга цикла «Вера Круглова. Вещи с историей»: камерный детектив о чужих воспоминаниях, настоящих подписях и цене удобной правды.

© Штерн Р. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Не для публикации 6
Глава 2. Место у окна 14
Глава 3. Пояс за спиной 22
Глава 4. До результата 30
Глава 5. Не та помощь 37
Глава 6. Подпись матери 45
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Роман Штерн
Родная по рассказам

От автора

Между решением открыть книгу и первой строкой есть короткая пауза, когда всё ещё впереди. В эту паузу мне и хочется обратиться к Вам с благодарностью. Спасибо, что Ваш выбор пал на эту книгу, что Вы готовы уделить ей внимание и время, ещё не зная, станет ли она Вам близка. Я дорожу этим начальным доверием и не хочу заполнять его ожиданиями за Вас. Пусть за порогом первой главы Вас ждёт своя, ничем заранее не предписанная радость чтения.

Глава 1. Не для публикации

Артём положил линейку поперёк ткани и придержал её двумя пальцами, словно опасался, что она покажет лишнее.

— Я здесь оставил проектную свободу.

Вера наклонилась над столом.

— Сколько?

— Ну, чтобы потом можно было изменить.

— Измерь, сколько можно будет изменить.

Он передвинул линейку.

— Четыре сантиметра.

— С одной стороны. С другой — полтора. У тебя одна половина свободнее другой.

Инна засмеялась, не поднимая головы. Она вымётывала край кармана и уже второй раз за занятие обещала себе, что больше не возьмёт ткань, на которой нельзя различить нитку. Людмила повернула к свету пояс юбки.

— Мне бы его четыре сантиметра. Я свои вчера срезала.

— До примерки? — спросила Вера.

— После. Только мерила утром, а носить, видимо, собираюсь вечером.

Галина отодвинула со своего края стола чашку с крышкой.

— Вечер надо закладывать при раскрое.

— Вечер обычно сам закладывается, — сказала Людмила. — Особенно после ужина.

В комнате пахло нагретой тканью. Утюг стоял на подставке у окна; шнур Вера закрепила так, чтобы его больше не приходилось переступать. На подоконнике лежали четыре маленьких свёртка — обрезки для проб, которые ученики теперь приносили сами. В нижнем углу стекла сохранилась мутная зимняя полоса, но через верхнюю половину шёл хороший апрельский свет.

Шестое апреля, вторник. Это занятие они сообща перенесли с четверга: Инне поменяли рабочие часы, а подходящее время для группы нашлось только во вторник. Вере пришлось сдвинуть две примерки, зато хозяин оставил прежнюю цену. Четверо всё ещё помещались за одним столом, хотя каждый раз кто-нибудь пробовал доказать, что для его детали требуется половина помещения.

Вера помогла Артёму заново отметить припуски, потом подошла к Людмиле.

— Надень. Только не втягивай живот.

— Я уже не втягиваю. Это лицо у меня такое.

За ширмой зашуршала юбка. Инна вытащила из кармана длинную намёточную нитку и подняла её перед собой.

— Вера Андреевна, а если здесь чуть-чуть волнит, утюгом уберётся?

— Покажи, что значит «чуть-чуть».

Ткань у входа в карман была стянута. Вера положила её на ладонь, не растягивая.

— Сначала ослабь эту нитку. Утюг не должен исправлять всё, что мы ему принесли.

— Жалко.

— Утюг тоже так думает.

Телефон коротко загудел в сумке. Вера посмотрела на часы: до конца оставалось двадцать пять минут. Сообщение можно было прочесть, пока Людмила застёгивала юбку.

«Ты сегодня до пяти? Кирсановы просят нас зайти. У них Лариса вернулась. Есть вопрос по старой вещи. Не срочный ремонт. Тамара».

Вера перечитала имя. Лариса Кирсанова. Она помнила светлую голову, привычку стоять вполоборота, когда слушаешь замечание о посадке, и голос, который становился тише при воз-

ражении. Всё это относилось к женщине моложе нынешней Нины. Позднее они тоже виделись, но ни одной целой встречи память сразу не предложила.

Из-за ширмы вышла Людмила.

— Вот. С утра застёгивалось без разговора.

Вера убрала телефон.

Пояс удалось выпустить на полсантиметра, не трогая застёжку. Артём исправил разметку и попросил разрешения уже резать; Вера велела ему сначала назвать, где проходит линия шва. Галина закончила пробную петлю, рассмотрела её и, прежде чем Вера подошла, сама сказала:

— Эту не показываю. Следующую.

— Эту тоже покажи. Иначе я не узнаю, зачем тебе следующая.

К пяти стол начал освобождаться. Инна сложила ткань, оставив карман сверху, чтобы дома не забыть, на чём остановилась. Людмила записала новую ширину пояса прямо на бумажной выкройке. Артём собирал мелкие обрезки с такой тщательностью, словно среди них ещё могла находиться часть его будущей вещи.

— А можно я только вот это прострочу? — спросил он.

— Дома. Следом комнату берут другие, мне надо убрать машину.

Он посмотрел на короткую линию, потом кивнул и выдернул из ткани булавки, которые могли потеряться в пакете.

За зиму Вера научилась произносить «на сегодня всё» до того, как последний ученик начинал торопливо доделывать всё сразу. В шестьдесят лет это оказалось непривычнее, чем освоить новую лапку. Иногда ей по-прежнему хотелось подарить ещё полчаса, чтобы все ушли довольными. Но полчаса надо было оплачивать хозяину, а домой она потом возвращалась с ноющим коленом и ощущением, что собственный день опять прошёл без неё.

В тетради под сегодняшним занятием стояла отдельная запись: «Среда. Пальто — основная ткань». Два образца лежали в плоском пакете под обложкой. Один она отвергла ещё зимой: красиво висел, но тяжело собирался у воротника. Из оставшихся надо было выбрать не самый удобный по цене, а тот, из которого получится задуманная вещь. Законченный макет висел дома. Ему больше не требовалось доказывать, что рукав может двигаться.

Тамара постучала, когда Галина уже надевала куртку.

— Я не рано?

— В самый конец, — сказала Вера. — Сейчас уберу.

Тамара поставила вместительную сумку возле двери, пропустила Людмилу и не стала занимать освобождённый стул.

— Вы про Кирсановых? — спросила Галина.

— Да.

— Мне в библиотеке сказали, что вы историю будете писать.

Тамара сняла очки.

— Вот уже и буду. Меня утром попросили помочь собрать семейные воспоминания. Обещания печатать я не давала.

— Я так и передам.

— Лучше ничего пока не передавай. Они сами ещё толком не поговорили.

Галина кивнула и вышла. Вера заперла ящик с инструментами.

— Что у них за вещь?

— Жилет. Лариса привезла. Евдокия Петровна хочет сохранить вместе с фотографиями. Говорит, ты когда-то его переделывала.

— Возможно. Мне надо увидеть.

— Просят придумать чехол. Не просто мешок на вешалку — чтобы ткань не тянулась.

Вера вспомнила жилет, но смутно: стёжка, чья-то просьба переделать крепление. Для разговора о работе этого не хватало.

— Сегодня могу зайти познакомиться с пожеланиями. На осмотр возьму отдельное время. Я без ленты и без нормального света ничего обещать не буду.

— Так и скажи.

— И цену после осмотра. Не за всё, что у них в шкафу найдётся.

— Вера, они спросили про один жилет.

— Хорошо.

Тамара улыбнулась краем рта.

— Я научилась передавать просьбы в исходном размере.

Вера сняла с подоконника пакет с образцами и убрала в сумку.

***

У корпуса вода ещё стояла в продавленной полосе асфальта. На солнце она казалась неглубокой, но Тамара всё равно обошла лужу по сухому краю. Вера пошла следом. Зимний песок скрипел под подошвами.

— Когда приехала? — спросила она.

— Сегодня. Евдокия мне позвонила ещё до обеда. Сначала я вообще не поняла, что она говорит.

— Ты уже была?

— Час посидела. Потом в библиотеку надо было возвращаться.

— Узнала?

Тамара не ответила сразу. Они остановились перед выездом, пропуская фургон.

— Я Ларису молодой лучше помню. И совсем девочкой. Она ещё к нам за книгами ходила, брала сразу по три, а потом приходила за четвёртой, потому что эти, видите ли, не подошли.

— А сегодня?

— Сегодня мне сказали: Лариса. Я вошла уже с этим.

За фургоном пробежала струйка грязной воды. Вера переступила её.

— Давно она не приезжала?

— Последний раз в две тысячи четвёртом. Уехала-то раньше, в девяносто восьмом, но потом бывала. Звонила, писала. Не часто. Дальше ещё реже. Я подробностей не знаю, Ольга мне по годам не отчитывалась.

Двадцать три года без встречи — срок, за который знакомое лицо могло превратиться в чужое и снова показаться знакомым от одного поворота головы. Вера попробовала представить Ларису старше шестидесяти. Получалось плохо. В памяти она оставалась женщиной, которой не нравилось, когда над ней подолгу поправляли ткань.

— Евдокия одна живёт?

— Ольга рядом, в соседнем доме. Но рядом — это всё равно надо прийти. Продукты, поликлиника, по дому. Евдокия многое сама делает. Только за хлебом зимой уже не ходила.

— Ей сколько сейчас?

— Восемьдесят четыре. В ноябре будет восемьдесят пять. А Ольге пятьдесят восемь. Она моложе тебя, я всё забываю.

— Я тоже иногда забываю, что не всем столько же.

Они дошли до площади за двенадцать минут. Перед «Речником» подметали ступени у действующего входа; к другой части здания проход по-прежнему был перегорожен. На стенде висело расписание занятий, прижатое по углам прозрачной лентой. Вера машинально посмотрела на дверь гардероба, которую отсюда всё равно нельзя было увидеть.

У остановки Тамара поправила ремень сумки.

— Нам в ту сторону. По Садовой.

До дома Веры отсюда было семнадцать минут, до Кирсановых, по словам Тамары, восемнадцать — но в другую сторону. Вера достала телефон и написала Олегу, что после занятия

зайдёт к знакомым и позвонит позже, если не задержится. Он ответил почти сразу: «Я на репетиции до восьми. После можно». Никаких общих планов на этот вечер у них не было.

— Евдокия хочет, чтобы всё записали? — спросила Вера, убирая телефон.

— Хочет, чтобы не потерялось. Это не совсем одно и то же.

— А Лариса?

— Пока согласна.

Тамара шла медленнее, чем обычно. В библиотеку она всегда торопилась, даже если до открытия оставалось полчаса.

— Я сказала им: сначала решите, что вы хотите оставить только себе. Не надо в первый день рассказывать мне всё, а потом просить забыть.

— Обиделись?

— Нет. Евдокия велела записать, что её розовый сервиз не фамильный. Купили с Григорием на премию. Кто-то уже успел назвать фамильным.

На Садовой солнце уходило за дома, но у палисадников ещё блестели мокрые ветки. В одном дворе сушились на перилах вымытые резиновые коврики. Тамара свернула к пятиэтажке с низким крыльцом.

— Сегодня только поговорим, — напомнила Вера. — Если там длинный семейный вечер, я до конца не останусь.

— Сегодня его нет. Они ещё чай как следует не попили.

***

Дверь открыла Ольга. Вера узнала её сразу, хотя виделись они обычно на ходу: возле магазинов, у остановки, однажды в очереди к врачу. Ольга отступила в узкий коридор и придержала дверцу шкафа, мешавшую пройти.

— Заходите. Только обувь лучше сюда, у двери сохнет.

Под вешалкой стояли ботинки с газетой внутри. На крючке висела рабочая сумка с потёртыми ручками, из бокового кармана торчал футляр для очков. Рядом, на табурете, лежала связка чистых кухонных полотенец. Ольга взяла их, словно вспомнила, зачем оставила, и тут же положила обратно.

— Мам, пришли.

— Я слышу, — отозвались из комнаты. — Не надо меня каждый раз предупреждать.

Евдокия Петровна сидела у небольшого стола. Перед ней стояла чашка, а чайное блюдце было отодвинуто: на его месте лежал телефон с крупными цифрами. Она поднялась не сразу, сначала упёрлась ладонью в край стола.

— Не вставайте, — сказала Вера.

— Я за стулом. Ты куда сядешь?

Ольга принесла стул из кухни. Евдокия проследила, чтобы его поставили не на загнувшийся край коврика, и только тогда села обратно.

Женщина у окна повернулась к гостям.

— Здравствуйте.

Ни восклицания, ни попытки обнять Веру не последовало. Приезжая была примерно её возраста, с коротко подстриженными волосами, светлыми у лица и темнее на затылке. В просторной серо-синей кофте плечи казались покатыми. Она немного щурилась, глядя против окна, и Вера не могла понять, знакомо ей это выражение или она пытается сделать его знакомым.

— Вера Андреевна, — сказала Тамара. — Ты, наверное, помнишь.

— Да, — ответила женщина после короткой паузы. — Мы ведь давно не виделись.

— Давно, — согласилась Вера.

Она не стала произносить: «А вы совсем не изменились». Это было бы неправдой даже в том случае, если бы перед ней стоял человек, которого она узнала с порога.

— Лариса сегодня с дороги, — сказала Евдокия. — А мы всё разговариваем. Я ей говорю: приляг. Она говорит: потом.

— Я ещё успею.

Женщина села рядом с хозяйкой и подвинула ей чашку так, чтобы ручка оказалась справа. Евдокия взяла чашку, но пить не стала.

Ольга стояла возле кухонной двери.

— Чай будете? Свежий заварю.

— Мне воды, если можно, — сказала Вера.

— А я чаю, — ответила Тамара. — Только не хлопочи с едой.

— Еда уже есть.

На кухонном столе, видном через дверь, стояли два закрытых контейнера и кастрюля. Ольга открыла холодильник, переставила что-то на полке, потом вернулась за чашками. Когда у неё не оказалось свободной руки, приезжая поднялась и взяла чайник.

— Этот долить?

— Нет, я свежий поставила.

— Хорошо.

Она не обиделась на короткий ответ. Поставила чайник, убрала со стола пустую коробку от печенья.

Комната была маленькая, но не заставленная. Книги занимали две полки, телевизор стоял на низкой тумбе, у дивана лежала аккуратно свёрнутая шерстяная накидка. Под подоконником виднелась новая батарея, а над ней — старые, потемневшие от солнца следы креплений. Вера знала такие квартиры: пока всё на своих местах, в них можно двигаться легко; достаточно оставить сумку у стула, и кому-нибудь уже не пройти.

— Тамара сказала, вы про жилет хотели, — начала она.

— Да, — Евдокия повернулась к дочери. — Лариса привезла. Я и забыла, что он цел. У нас фотография есть, где она в нём. Хочу, чтобы лежали вместе.

— Фотографию лучше отдельно от ткани, в своей упаковке. А для жилета можно подумать о поддержке, чтобы на сгибах не ломался.

— Не в рамку, — быстро сказала приезжая. — Мы не про рамку.

— Я поняла. Для домашнего хранения?

— Да.

Евдокия посмотрела на Веру поверх чашки.

— Мне главное, чтобы не испортили. Скажут потом: лучше новый сошьём. Новый у меня будет без всего.

— Новый я вам и не предлагаю. Сначала посмотрю старый.

Приезжая поднялась.

— Я сейчас достану.

— Давайте завтра, — сказала Вера. — Я приду при дневном свете, с лентой. Сегодня мы всё равно не закончим. Надо разложить, посмотреть, где ткань ослабла, решить, как хранить. Потом назову работу и стоимость.

— А сегодня ты зачем пришла? — прямо спросила Евдокия.

Тамара открыла рот, но Вера ответила сама:

— Узнать, что вы хотите. Иногда просят чехол, а оказывается, хотят снова носить вещь. Это разная работа.

Евдокия подумала.

— Носить пусть сама решает. Я пока про сохранение.

— Тогда завтра и посмотрим.

— За работу я заплачу, — сказала хозяйка. — Только заранее скажи.

— Скажу до того, как возьмусь.

Ольга принесла чай и стакан воды. Чтобы поставить поднос, она собрала со стола рекламный листок, квитанцию и плотный конверт. На конверте Вера успела увидеть печатную отметку о судебном отправлении. Адрес был повёрнут к Ольге.

Та отделила конверт от остальной почты и положила в папку на краю тумбы.

— По этому срок ответа всё равно учитывать придётся, мам.

Евдокия опустила чашку.

— Я помню.

— Я к тому, что у нас теперь…

— Оля, давай сегодня не с этого, — негромко сказала приезжая. — Мы только сели.

Ольга осталась стоять с рекламным листком в руке.

— Я не начинаю. Убираю, чтобы не потерялось.

— Ну и убери, — сказала Евдокия. — Мы не потеряем.

Папка закрылась. Вера отпила воды. Тамара спросила, куда поставить сумку, и Ольга показала на табурет в коридоре, где лежали полотенца.

— Сейчас освобожу.

Она снова взяла полотенца и на этот раз унесла в кухню.

Вере захотелось помочь хотя бы с чашками, но на столе всё уже стояло. Она положила ладони на колени. После занятий ей иногда трудно было сидеть у чужой работы без дела: казалось, нужно непременно найти, за что взяться, иначе само её присутствие окажется неоправданным.

— У вас теперь своя мастерская? — спросила приезжая.

— Комната по часам. Занятия и отдельные заказы.

— Там, в корпусе?

— Да.

— А в Доме культуры уже нет?

— В гардеробе не работаю. Первый курс там провела, потом перешла на аренду.

— Хорошо, что своё, — сказала Евдокия.

Вера чуть не объяснила, насколько оно не своё: общий стол, шкаф с соседним отделением, часы по договорённости. Но хозяйка уже повернулась к Тамаре.

— Ты записывать сегодня будешь?

— Сегодня нет. Я пришла без диктофона.

— В телефоне же можно.

— Можно. Только вы ещё не решили, что именно хотите рассказать.

— Что дочь вернулась.

— Это вы сейчас мне сказали. Для записи надо, чтобы и Лариса хотела.

Женщина у окна провела пальцем по краю чашки.

— Можно не сегодня?

— Конечно, — сказала Тамара.

Евдокия посмотрела на неё внимательнее.

— А в газету?

— Я с газетой ни о чём не договаривалась. Если захотите семейную запись, помогу. Публикацию будем обсуждать отдельно.

— Я не прошу на первую страницу, — сказала Евдокия.

— Я понимаю.

— Просто люди спрашивали. Где, почему. А теперь вот она.

Ольга вошла с маленькой тарелкой нарезанного хлеба. Поставила её возле матери.

— Людям можно пока не отвечать.

— Ты сама сегодня на три звонка ответила.

— Потому что ты велела сказать тёте Вале. А она уже остальным.

Евдокия улыбнулась, впервые за весь разговор широко, почти озорно.

— Валя всегда умела сообщать.

Приезжая улыбнулась вместе с ней. Вера почувствовала, как в комнате ослабло напряжение, возникшее возле конверта. Евдокия перестала следить за чашкой и теперь смотрела только на женщину рядом, словно проверяла, не закончилась ли встреча, пока она отвлеклась.

— Надо посидеть по-человечески, — сказала хозяйка. — Не так, на ходу. Позвать своих. Немного.

— Немного — это сколько? — спросила Ольга.

— Не весь дом.

— Я хочу понимать, сколько готовить.

— Оля, я помогу, — сказала приезжая.

Ольга села наконец на край дивана. На коленях у неё осталась кухонная салфетка; она заметила её и положила рядом.

— Тогда выберем день, когда я не после смены.

— Можно без большого стола, — предложила Тамара. — Чай, что-нибудь к чаю.

— Я ещё умею людей принять, — ответила Евдокия.

— Умеешь, мам. Только покупки сами не приходят.

Приезжая наклонилась к Евдокии, спросила, не остывает ли чай. Та покачала головой и вдруг положила ладонь ей на запястье. Рука осталась там, поверх края рукава. Женщина не отодвинулась.

Ольга смотрела на них. Вера не сумела прочесть её лицо: в нём было и внимание, и настороженность, и что-то ещё, быстро скрытое, когда мать подняла глаза.

— Мне в субботу работать, — сказала Ольга. — В пункте одна смена на мне. Если ты будешь здесь… Тогда я хоть отработаю без звонков каждый час.

— Не надо мне каждый час звонить, — сказала Евдокия.

— Когда не беру, ты сама звонишь.

— Потому что ты уже должна была позвонить.

Ольга выдохнула, почти рассмеявшись. Приезжая тоже улыбнулась.

— Разберёмся со сменой. Ты скажешь, что нужно.

Это ещё не было договорённостью: никто не назвал часов, не выяснил, кто останется на обед и что делать, если Евдокия захочет выйти. Но Ольга уже потянулась к рабочей сумке, достала телефон и открыла расписание. До этой минуты она говорила только о том, что предстоит сделать самой.

Вера посмотрела на часы.

— Мне пора. Завтра в четыре удобно? На осмотр.

Евдокия сжала запястье женщины рядом и отпустила.

— В четыре хорошо.

— Я буду, — сказала приезжая.

— Тогда приготовьте место на столе. Ничего заранее не гладьте и не стирайте.

— Я и не собиралась, — ответила Евдокия. — Что же я, не понимаю.

Ольга проводила гостей в коридор. Пока Тамара надевала пальто, Вера записала время и попросила номер для связи. Ольга продиктовала свой.

— Если задержусь на работе, позвоните. Мама иногда телефон в комнате оставляет.

— Я договорилась на четыре. Если что-то изменится, сообщу заранее.

Из комнаты позвали:

— Вера, погоди.

Она вернулась к дверному проёму. Евдокия сидела уже вполоборота к окну; приезжая убирала чашки.

— Ты его не делай наряднее, ладно? — сказала хозяйка. — Жилет. Пусть таким останется, каким привезла.

— Сначала посмотрим, что ему нужно.

— Только чтобы сохранить.

Приезжая остановилась с подносом, пропуская Веру. Евдокия проводила её взглядом до кухонной двери и добавила тише:

— Теперь уж будет куда его положить. Дома.

Глава 2. Место у окна

К четырём часам стол был освобождён. Всё, что вчера лежало на нём, переместилось на диван, и Ольга, открывшая Вере дверь, сразу предупредила:

— Вы пока не садитесь. Я сейчас разберу.

Вера осталась стоять с сумкой в руках. На диване лежали газеты, очечник, пакет с вязанием и три пульта.

— Они все работают?

— Один от старого телевизора. Мама не даёт убрать.

— Потому что там хорошие кнопки, — отозвалась Евдокия из комнаты. — На новом их не видно.

Приезжая стояла у окна и придерживала занавеску, пока хозяйка поправляла горшок на подоконнике. У Евдокии не получалось повернуть его нужной стороной: листья задевали стекло.

— Так оставить? — спросила женщина.

— Чуть ещё. Нет, обратно. Теперь хорошо.

Она отпустила занавеску, и та закрыла половину растения. Евдокия недовольно посмотрела на собственную работу, но переделывать не стала.

— Здравствуй, Вера. Проходи. Стол чистый, как ты просила.

В комнате пахло варёной свёклой. На кухне негромко работало радио, и ведущий рассказывал о погоде таким голосом, будто за её перемену отвечал лично. Ольга собрала пульты, два положила на тумбу, третий после короткого колебания — туда же.

— А стол ведь здесь не стоял, — сказала приезжая. — Он был у окна. Этим концом к батарее.

— До тех пор, пока за ним могли двое сидеть, — ответила Евдокия. — Потом передвинули. Мне теперь здесь удобнее.

— У окна было твоё место.

— Там свет был хороший.

— И видно, кто идёт. Наблюдательный пункт.

Евдокия засмеялась.

— Не я его так называла. Отец.

— Отец называл тебя начальником наблюдательного пункта.

— Потому что сам забывал хлеб купить. Я ему из окна показывала: обратно иди.

Вера поставила сумку у ножки стола. Утром она провела свой час на лоджии, сравнивая два образца пальтовой ткани. Один, красивый под лампой, при дневном свете оказался почти чёрным; другой мягко ложился на сгибе, но плохо переносил соседство с выбранной прокладкой. Она успела сделать пробу, записать результат и пообедать. Поэтому сейчас не испытывала привычного раздражения оттого, что чужое дело началось раньше её собственного.

Приезжая села на стул возле окна.

— А шкаф так и остался.

— Его куда двинешь, — сказала Евдокия. — Мы один раз подвигали.

— С картошкой внутри.

— Не с картошкой. С сервизом.

— Картошка была внизу.

— Внизу стояли банки. Гриша сказал: зачем вынимать, мы только на полметра. Потом лёг на пол, чтобы ножку посмотреть, и велел всем отойти.

Приезжая засмеялась негромко, прикрыв рот ладонью.

— А ты ему: «Если шкаф на тебя ляжет, мы его уже не поднимем».

— Я другое сказала. Я сказала: «Ты сначала вылезай, потом командуй». Он оттуда ещё сердился.

— И тапок подложил.

— Мой. Хороший тапок, новый.

Ольга, уносившая газеты, остановилась у двери.

— Тапок потом ещё два года на балконе лежал.

— Потому что можно было пару найти, — сказала Евдокия.

— К одному раздавленному тапку?

— Не надо было выбрасывать второй.

Вера улыбнулась. В рассказе шкаф перемещался то на полметра, то на ширину ладони; банки превращались в картошку и снова в банки. Евдокия спорила охотно, не оглядываясь на Ольгу, чтобы та подтвердила или поправила. Ей было кому сказать: нет, ты забыла, он сначала сделал вот так.

Вчера Вера почти всё время видела её ожидающей — ответа, взгляда, возвращения из кухни. Сегодня хозяйка сама перебивала, досказывала, сердилась на давнюю глупость мужа. Женщина у окна слушала её с той лёгкостью, которая бывает у людей, уже знающих конец истории и всё-таки готовых до него дойти.

Ольга взяла с подлокотника рабочую сумку, проверила внутри кошелёк.

— Я тогда схожу. Мне ещё в ремонт обуви успеть и за своим заказом.

— Иди, — сказала Евдокия.

— Свёклу я выключила. В контейнере котлеты, только греть не все. Хлеб в—

— Оля.

— Я скажу, и всё. На ужин—

— Я вижу, где хлеб. У нас еда есть, телефон есть. И я сегодня не одна.

Ольга застегнула сумку, хотя кошелёк всё ещё держала в руке.

— Я не про это.

— А я про это. Сходи спокойно.

Приезжая поднялась.

— Я ужин сделаю. Свёклу натереть?

— Ей лучше нарезать, — быстро сказала Ольга. — И масла немного.

— Я сама скажу, как мне лучше, — ответила Евдокия.

Ольга посмотрела на мать, потом на женщину рядом с ней.

— Хорошо. Только не надо сейчас весь стол накрывать. Мама днём ела.

Вера отвела взгляд к окну. Ей показалось, что Ольге трудно оставить не только мать, но и привычный порядок, в котором всякая мелочь проходила через неё. Ещё вчера она просила помощи, а сегодня, когда помощь предлагали, продолжала объяснять, сколько масла положить в свёклу.

— Про субботу давай сразу, — сказала приезжая. — Ты во сколько уходишь?

— Утром надо быть в пункте. До пяти работаю. Раньше не выйду: я одна, и выдача, и приём.

— Я к половине девятого приду. До твоего возвращения побуду.

Ольга перестала укладывать кошелёк.

— На весь день?

— Да.

— Тебе самой никуда не нужно?

— В субботу не нужно.

— Там обед разогреть. И выйти мама, может быть, захочет, если сухо. Только во дворе, далеко ей пока тяжело.

— Разберёмся, — сказала Евдокия. — Не отправляй нас уже на прогулку.

На этот раз Ольга улыбнулась. Достала телефон, что-то посмотрела.

— Тогда я не буду просить замену на час. Мне в пятницу нужно точно сказать.

— Можешь сказать, — ответила приезжая.

Ольга убрала телефон и кошелёк наконец в сумку.

— Я к шести вернусь. Если задержусь, позвоню.

Когда за ней закрылась дверь, Евдокия некоторое время смотрела в коридор.

— Всё бегом. Даже когда никуда не опаздывает.

— У неё много дел, — сказала Вера.

— Знаю. Я же не говорю, что не знаю.

Приезжая пододвинула хозяйке стул, но та осталась стоять.

— Жилет достань. Вера пришла работать, а мы про тапок.

***

Вещь лежала в широком бумажном пакете на нижней полке шкафа. Приезжая вынула её двумя руками и положила на стол, не разворачивая.

— Так можно?

— Сейчас подстелю.

Вера достала из сумки чистую светлую ткань. У неё были с собой сантиметровая лента, маленькая линейка, очки и два образца материала для будущего чехла. Больше пока ничего не требовалось.

Жилет оказался светло-коричневым, с мелкой стёжкой в вытянутые ромбы. На сгибах цвет был чуть светлее, особенно возле пройм, где ткань постоянно касалась рук. Он не выглядел парадным или редким. Широкие полочки, неглубокий вырез, небольшие карманы — вещь, в которой можно было сидеть за работой в прохладной комнате, вставать, тянуться за чем-нибудь на полке.

Вера развернула его. Нижний угол сначала остался загнутым внутрь; она осторожно расправила его ладонью.

С изнанки вдоль переднего края шла другая ткань, плотнее основной и немного темнее. Ею был закрыт внутренний срез. Вера провела пальцем рядом со строчкой, не задевая её ногтем.

— Здесь я меняла.

— Узнала? — спросила Евдокия.

— Обтачку. Вот эту полосу внутри.

Она надела очки. На обеих полочках находились короткие тканевые половины внутренней фиксации. Одна была уложена вдоль края, другая завернулась под него. Вера освободила её, положила ровно. Снаружи, ближе к бокам, виднелись маленькие участки с отверстиями от прежних стежков и слегка примятым ворсом — там раньше держались крепления. При обычном взгляде на жилет они терялись в стёжке, но на разложенной вещи были заметны.

Она помнила эту работу. Не потому, что строчка могла назвать год. Сам заказ всплыл вместе с плотной внутренней полосой, которую тогда пришлось подбирать из двух неподходящих отрезов.

— В две тысячи третьем, — сказала Вера. — Ты ещё ненадолго приезжала.

Приезжая наклонилась к столу.

— Давно.

— Я тогда на дому брала переделки. После смены.

— А я думала, позже, — сказала Евдокия. — Перед тем последним приездом.

— Так и получается. В следующем году она уже с ним была.

Вера осторожно подняла край, посмотрела на подкладку. Никакого внезапного узнавания человека от знакомой работы не произошло. Она узнала вещь — как узнают собственную полку после того, как её перекрасили и переставили в другую квартиру. Помнила, что делала,

а лицо женщины, приносившей заказ двадцать четыре года назад, сейчас вспоминалось хуже, чем тёмная полоса ткани у неё в руках.

— Его носили много, — сказала она. — Здесь истончилось. Если просто повесить на узкие плечики, нагрузка будет на этих местах.

— А на широкие? — спросила приезжая.

— Лучше, но надолго всё равно не оставляла бы. Можно сделать мягкую опору внутри и чехол, который раскрывается. Чтобы не вытаскивать каждый раз за плечи.

Евдокия села, придвинувшись к столу.

— Я думала, как для костюма. На молнии.

— Такой защитит от пыли. Но сам жилет держать не будет. И плотно закрывать его в синтетику я бы не стала.

— Мне не обязательно на молнии.

Вера показала два принесённых лоскута. Один был слишком тонким для основы, зато мог подойти для внутреннего слоя; второй держал форму, не царапая ткань.

— Я могу сделать для домашнего хранения. Без обещаний, что он после этого ещё сто лет пролежит. Реставрацией я не занимаюсь.

— Нам его не в музей, — сказала Евдокия.

— Тогда решим, где он будет лежать. В ящике? На полке?

Хозяйка посмотрела на шкаф, будто тот за время разговора мог стать вместительнее.

— Внизу место освобожу.

— Там у тебя зимнее одеяло, — напомнила приезжая.

— Одеяло уберу наверх.

— Ты его оттуда сама не достанешь.

Евдокия хотела ответить и передумала.

— Посмотрим. Может, в комод.

Вера измерила ширину жилета и записала. Для чехла ещё нужно было выбрать устройство: складывать ли вещь один раз с мягким валиком на сгибе или хранить почти развёрнутой. Она не хотела шить удобную упаковку под полку, с которой потом каждый раз пришлось бы снимать четыре тяжёлые вещи.

— Можно я посмотрю изнанку целиком? — спросила она приезжую.

— Конечно. Разворачивайте.

Вера приподняла жилет, перевернула на подготовленной ткани. Шов посередине спинки держался. У нижнего края подкладка была немного свободнее верха, но это не требовало немедленной переделки.

— Ничего распарывать не нужно, — сказала она. — Пока я только меряю и смотрю состояние.

— А сколько это будет стоить? — спросила Евдокия.

— Предварительно от двух с половиной до трёх тысяч. Вместе с материалом. Но точную цену скажу до того, как начну: надо проверить, что есть в продаже и сколько потребуется.

— Я заплачу, — сказала хозяйка.

Приезжая подняла на неё глаза.

— Мам, я могу сама.

— Ты привезла, а я хочу сохранить. Это мой заказ.

— Тогда я завтра принесу рисунок, — сказала Вера. — И уточню материал. Если всё подойдёт, заберу на несколько дней. Раньше шить не буду.

— Забирайте, — сказала приезжая. — Только скажите, когда вернуть.

— Срок сразу запишем. Сегодня пусть здесь останется.

Евдокия удовлетворённо кивнула, будто самое трудное — найти человеку определённое дело — было сделано.

— А фотографию покажу? Там видно, как он на ней сидит.

— Покажите.

Из нижнего отделения тумбы хозяйка достала альбом в потёртой бордовой обложке. Вместе с ним выдвинулась серая картонная папка на тесёмках. Евдокия подхватила её за край.

— Эту отдельно. Не надо под альбом.

Вера освободила место на стуле.

— Сюда положить?

— Положи. Это Гришины бумаги. Он всё складывал: что возил, кому отдавал. Со швейного участка тоже.

Вера взяла папку за оба края. Картон был мягкий на углах, тесёмки завязаны простым узлом. Она положила её на стул.

— Помню, он у нас перевозками занимался.

— Долго. Сначала говорил: зачем бумагу хранить, всё уже отвёз. А сам ни одной не выбросил. После того как в девяносто девятом его не стало, я так и оставила.

Евдокия провела ладонью по альбому.

— Болел он тогда уже сильно. Я ему: не ходи, полежи. А ему всё надо было кому-то объяснить, где что лежит.

Приезжая молча подвинула к ней очечник.

— Здесь не фотографии, — продолжила Евдокия, кивнув на папку. — Когда будем разбирать, отдельно надо. Оля один раз туда конверты со снимками сунула. Потом искали.

— Я не буду открывать, — сказала Вера.

— Я и не прошу сейчас. Просто не смешивай.

В альбоме страницы были проложены тонкой бумагой. От неё отломился уголок; Евдокия поймала его, положила на ладонь, потом на стол — выбросить сразу не решилась.

Она перелистнула несколько разворотов. Вера увидела детей у ёлки, стол на дачном участке, мужчину возле машины. Евдокия остановилась на странице с надписью «2004», сделанной синими чернилами.

— Вот последний раз. У Вали на день рождения собирались, потом ещё сюда пришли.

На верхнем снимке люди сидели тесно, плечом к плечу. У кого-то в руках была тарелка, возле края кадра — половина чужого лица. Женщина в коричневом жилете стояла за стульями и смотрела в сторону, туда, где осталось что-то интереснее фотографа.

— Ларису всё время звали, а она отворачивалась, — сказала Евдокия. — Не любила, когда командуют: улыбнись.

Приезжая смотрела на снимок, чуть отступив от стола.

Вера видела тёмные волосы, поворот головы, руку на спинке стула. Этого было мало даже для ясного воспоминания, не то что для уверенного сравнения с человеком рядом. Собственные фотографии тех лет она иногда узнавала сначала по платью.

— Здесь ещё есть, где вы вдвоём, — сказала Евдокия, взявшись за край страницы.

Из кухни донёсся стук: крышка кастрюли соскользнула с поставленной под углом ложки.

— Это я плохо положила, — сказала приезжая. — Сейчас.

Евдокия закрыла альбом, придавив выступавшую бумагу ладонью.

— Потом посмотрим. Вера ещё придёт. Мне бы не потерять, где это.

Она вложила между страницами чистый конверт. Альбом остался на тумбе; серую папку Вера по просьбе хозяйки вернула в нижнее отделение. Узел на тесёмках так и не тронула.

***

На кухне приезжая нарезала свёклу маленькими кубиками. Евдокия сидела рядом и очищала яйцо, аккуратно отделяя скорлупу от белка. Вера собиралась уходить, но хозяйка попросила её остаться на чай: до возвращения Ольги было ещё время, а цену чехла хотелось обсудить без сантиметровой ленты между чашками.

— Только недолго, — сказала Вера. — У меня вечером свои дела.

— У всех дела. Чай не дело, что ли?

Вера убрала инструменты в сумку и вымыла руки.

Евдокия поддела ногтем скорлупу. Вместе с ней отошёл большой кусок белка.

— Вот опять. Раньше яйца нормально чистились.

— Можно я? — спросила приезжая.

Она не стала отбирать яйцо, а протянула ладонь и дождалась, пока хозяйка отдаст. Потом подставила его под тонкую струю воды, сняла остатки скорлупы и положила на доску.

— Тебе пополам?

— На четыре. Половину неудобно.

Женщина разрезала яйцо, подвинула тарелку ближе к Евдокии. Та потянулась за миской со свёклой. Миска скользнула по столу; приезжая удержала её за ободок.

— Я сама положу.

— Клади. Я подержу.

Евдокия взяла ложку и переложила себе столько, сколько хотела. Вера заметила, как незаметно было сделано всё остальное: убрана мокрая тряпка, освобождён край стола, ручка чашки повёрнута вправо. Никто не объявлял, что сейчас будет помогать пожилому человеку ужинать.

У Веры немного отпустило плечи. В гардеробе она много лет видела два способа заботы: один оставлял человеку его движение, другой выполнял всё за него и ждал благодарности за скорость. Здесь не торопили.

Евдокия съела несколько кусочков и снова заговорила о шкафе.

— А самое смешное, Вера, он ведь его хотел к другой стене. Чтобы телевизор поставить. Тогда телевизор большой был, тяжёлый.

— С круглой кнопкой, — сказала приезжая.

— Нет, круглая на первом. На этом уже нажимались. Он под шкаф полез, а я думаю: что ты там увидишь, если сам свет загородил?

История пошла по второму кругу. Вера уже знала про тапок, про полметра, про сердитый голос с пола. Приезжая продолжала резать хлеб и в нужном месте спросила:

— А вы потом всё-таки передвинули?

— Конечно, нет. Оставили как было. Только обои за ним поцарапали.

Евдокия засмеялась, и женщина рядом тоже улыбнулась. Не было заметно, что несколько минут назад они уже дошли до того же конца.

Вера взяла чашку обеими руками.

— Ты столько подробностей помнишь. Я иной раз собственный заказ вспомню, только когда в руки возьму.

Приезжая положила нож на край доски.

— Кое-что записывала.

— Для себя?

— Да. А потом возвращаешься — и вспоминается дальше. Голос помогает. Иногда точнее фотографии.

Она сказала это просто, без желания объяснить свою память до конца, и убрала хлеб в пакет. Вера не стала спрашивать, что именно было записано. У неё самой хранились сообщения, которые она не удаляла годами, хотя сведения из них давно перестали быть нужны.

— У Гриши голос не сохранился, — сказала Евдокия. — На кассете был, где он с девочками балуется. Только кассету, наверное, поверх записали. Всё музыку слушали.

Приезжая села рядом с ней.

— Жалко.

— Я раньше думала: чего там, голос. Он каждый день дома. А теперь вот не помню, как он слово «полотенце» говорил. Смешно говорил, а как — не помню.

Вера отпила чай. Здесь не требовалось ни уверять, что всё обязательно найдётся, ни советовать спросить у родни. Евдокия смотрела на хлебный пакет, потом перевела взгляд на женщину рядом.

— Ты ещё ешь. Одну свёклу нарезала, сама не села толком.

Та взяла тарелку.

Ольга вернулась без десяти шесть. В одной руке у неё был пакет с обувью, в другой — маленький свёрток. Войдя в кухню, она сначала посмотрела на плиту.

— Вы уже поели?

— Я поела, — сказала Евдокия. — Чай пьём.

— Котлеты грели?

— Одну.

Ольга открыла рот и закрыла. Поставила пакет на свободный стул.

— Хорошо. Я себе потом.

— Там в миске осталось, — сказала приезжая. — Без лука. Не знала, ты ешь или нет.

— Ем. Просто на работу не беру.

Она сняла пальто в коридоре, вернулась и вымыла руки. На запястье краснела полоса от ручки тяжёлого пакета. Вера подвинула ей стул, но Ольга не села, пока не поставила чайник.

— Я успела забрать, — сказала она матери. — И каблуки сделали сразу. Обычно на завтра оставляют.

— Вот и хорошо.

— Ещё в магазин зашла. Себе.

Последнее слово прозвучало почти оправданием. Евдокия посмотрела на свёрток.

— Что купила?

— Кофту. Давно заказывала.

— Покажешь?

— Потом. Она в пакете вся помялась.

Вера видела, что Ольга довольна: и тем, что успела, и тем, что дома не случилось ничего требующего немедленного исправления. Но довольство как будто не помещалось на лице целиком. Она то смотрела на мать, то проверяла, выключена ли конфорка, то снова бралась за пакет.

Вере захотелось сказать: сядь уже, всё в порядке. Она удержалась. В чужой кухне очень легко объявить порядок, если не тебе завтра его поддерживать. И всё-таки ей казалось, что часть Ольгиной настороженности могла бы уйти, позволив она себе перестать следить хотя бы на час.

— Мы про вечер говорили, — сказала Евдокия. — Валю обязательно. И Тамару. Она обещала помочь.

— Помочь с воспоминаниями, — уточнила Вера. — Про остальное вы отдельно договоритесь.

— Я помню. Я не собираюсь заставлять её картошку чистить.

— Валю одну? — спросила Ольга.

— С кем она придёт?

— С кем позовёшь. Ты вчера сказала: пусть свои знают. У неё своих много.

Евдокия рассмеялась.

— Одну Валю. Не надо всех.

Приезжая подвинула к Ольге чашку.

— Давай в воскресенье? После твоей смены не в тот же день. Я куплю, что понадобится.

— В это воскресенье? — Ольга не сразу взяла чашку. — Двенадцать человек у нас не сядут.

— Мы же не двенадцать, — сказала Евдокия.

— Я ещё никого не посчитала.

Они начали считать. Получалось то шестеро, то восьмеро: Евдокия забывала включить себя, а потом добавляла человека, которого уже назвала. Вера сказала, что ей сначала нужно посмотреть своё расписание. Тамару решили спросить отдельно. День ещё можно было передвинуть, но Ольга уже достала телефон и открыла календарь.

— Тогда в субботу ничего к столу не готовим, — сказала она. — Я работаю. Вечером только список составим.

— Я же буду здесь, — напомнила приезжая. — К половине девятого.

— Да. Я помню.

Ольга нажала на экран, внесла запись и положила телефон рядом с чашкой. Сумка осталась на полу, пакет с кофтой — на стуле. Впервые за весь вечер она сидела, не удерживая в руках ничего, что нужно было куда-то отнести.

Вера посмотрела на часы и поднялась.

— Завтра в четыре снова удобно? Принесу рисунок чехла. Сегодня ещё уточню материал.

Евдокия кивнула.

— Удобно. Оля завтра позже будет, но мы дома.

В комнате приезжая подошла к столу, где всё ещё лежал жилет. Вера показала, как подложить свёрнутую светлую ткань в сгиб, чтобы он не получился острым. Женщина повторила движение, не придавливая ладонью стёжку.

— В пакет пока можно? — спросила она.

— Можно. Только сверху ничего не ставьте.

Приезжая подхватила жилет снизу и бережно опустила в бумажный пакет.

— Такие вещи лучше всего помнят, как было раньше, — сказала она.

Вера убрала в сумку образцы материала.

— Сделаем чехол с широким раскрытием. Тогда не придётся всякий раз вытягивать его за край.

Глава 3. Пояс за спиной

Вера принесла два рисунка, но Евдокия прежде всего спросила, можно ли будет видеть жилет, не вынимая его из чехла.

— Чтобы всякий раз не разворачивать.

— Через ткань — нет. Можно сделать откидной верх.

— А прозрачное окошко?

— Я бы не стала. Вам не в витрину его класть.

Евдокия посмотрела на рисунок, где жилет лежал между двумя мягкими слоями, и передвинула лист ближе к себе.

— Это на подушку похоже.

— Только тонкую. Опора под вещь, чтобы не брать за плечи.

— А висеть он не может?

— Может. Но здесь ткань у пройм уже слабая. Если надолго убирать, я бы положила.

Приезжая вынула жилет из бумажного пакета. Светлая ткань, которой вчера смягчили сгиб, осталась внутри. Она подхватила её, прежде чем та упала, и положила рядом.

В четверг, восьмого апреля, в квартире было тихо. Радио на кухне не работало, из приоткрытого окна слышался скрежет лопаты: во дворе сгребали мокрый песок с дорожки. Ольга, как и предупреждала, ещё была на смене. Евдокия сама открыла Вере дверь и успела посетовать, что к четырём часам день уже заканчивается, а ничего толком не сделано.

Судя по комнате, сделано было немало. На тумбе больше не лежали пульты, со стола убрали клеёнчатую салфетку, а у дивана стоял таз с вымытыми цветочными поддонами. Приезжая вытирала их, когда Вера вошла.

— Вы его ещё носить собираетесь? — спросила Вера. — Мне надо понять, как часто доставать.

Женщина расправила жилет на столе, ладонью провела по переду.

— Теперь, наверное, нет. Хотя он удобный был. Я всё за спиной затягивала, чтобы впереди не болталось. Посильнее завяжешь — и можно работать.

Вера уже взялась за край полочки. Рука остановилась.

— За спиной?

— Пояс. Я не любила, когда узел спереди. Всё время задеваешь.

Евдокия кивнула:

— Она и фартуки так носила. Ольга бантик сбоку делала, эта на спину всё уберёт.

Вера раскрыла жилет. На более тёмной внутренней обтачке лежала короткая тканевая половина завязки. Вторая была пришита с другой стороны. Обе свободно доставали одна до другой спереди; вокруг корпуса их не провести. Снаружи, ближе к бокам, остались только примятые участки и мелкие отверстия от прежних стежков.

— Вы про время до переделки говорите или после?

Приезжая посмотрела на раскрытую вещь.

— До… Наверное, до. Столько лет прошло.

— Я потому уточняю: здесь сзади уже нечем завязывать.

— Да, вижу. У меня всё вместе теперь. Я вчера столько наговорила, потом лежала и думала, правильно ли помню.

Она улыбнулась, не весело и не виновато, а словно предлагая Вере признать знакомую обеим человеческую неловкость.

Вера её знала. Сама могла подробно вспомнить чужую примерку и не найти собственные очки, а события давнего лета соединить с другим, потому что в обоих была жара и один и тот

же сарафан. Но сейчас перед ней лежала вещь, которую переделали именно ради обратного: чтобы на спине не оставалось узла.

В две тысячи третьем Лариса сидела у Веры на кухонном стуле, потом поднялась и показала рукой место чуть выше талии. Узел упирался в спинку. Если ослабить пояс, жилет расходился спереди; если затянуть, приходилось весь день подаваться вперёд. Вера помнила не весь разговор, даже не была уверена, во что Лариса была одета под жилетом. Помнила, как попросила её снова сесть, а сама присела сбоку, чтобы посмотреть, где ткань прижимается к стулу.

Длинные наружные завязки тогда сняли. Внутренние короткие удерживали перед, а спина оставалась гладкой.

— Ты всё время сидя работала, — сказала Евдокия приезжей. — Потом встанешь, не разогнёшься. Я говорила: хоть пройдись.

— Говорила.

— И лампу всё не туда ставила.

— Лампу ты сама переставляла.

— Потому что ты рукой свет загораживала.

Приезжая тихо засмеялась. Евдокия тоже улыбнулась и стала рассказывать Вере о столе у окна, который никак не удавалось освободить целиком: то швейная машина, то раскрытая книга, то тарелка, которую никто не признавал своей.

Вера слушала, держа край жилета. Можно было ещё раз спросить, помнит ли женщина ту примерку на кухне. Но какой ответ ей требовался? Чужая память не обязана была хранить тот же стул, то же движение руки. Спросить о переделке она уже успела. Ответ — смешались годы — был возможен.

Она опустила полочку.

— Тогда будем делать для хранения. Без расчёта на ежедневное пользование.

Евдокия вернулась к рисунку.

— Этот, который лежит. Только где его положить?

— Вы вчера нижнюю полку называли.

— В большом шкафу. Там наволочки. Их можно перенести.

Вера посмотрела на шкаф. Перед ним стоял таз с поддонами, а внизу была выдвинута коробка с зимней обувью.

— Сейчас не надо всё вытаскивать. Я сначала уточню размер опоры. Сегодня в комнате ещё поработаю, принесу вам бумажную раскладку, приложим к полке. Тогда решите.

— Опять ходить тебе.

— Мне всё равно нужно согласовать, как он будет складываться. Лучше сейчас, чем потом чехол переделывать.

Она положила рядом с рисунком небольшой лист с условиями заказа.

— Предварительное описание и размеры — пятьсот рублей. Они входят в общую цену. Если остановимся на этом варианте, всё вместе с материалом будет две тысячи восемьсот. Без украшений, с широким раскрытием. Шить начну после того, как проверим место.

Евдокия надела очки.

— А если полка не подойдёт?

— Выберем другое место или другой размер опоры. Пока ткань не крою.

— До воскресенья сделаешь?

— Нет. К семейному вечеру обещать не буду. После согласования мне нужно пять дней.

Приезжая отодвинула поддон, освобождая место для Вериного листа.

— Не надо к вечеру. Мы же не чехол собираемся показывать.

Евдокия хотела что-то сказать, но только поправила очки.

Вера указала на последнюю строку.

— Жилет заберу для размеров и описания. До субботы, до четырёх. Если понадобится раньше, позвоните. Сегодня принесу только раскладку, саму вещь пока оставлю в закрытом шкафу в мастерской. Можно?

— Да, — сказала приезжая. — Забирайте.

— Ни чистить, ни распарывать я не буду.

— Я поняла.

Евдокия попросила оставить ей копию условий. Вера принесла две, и хозяйка, увидев второй лист, удовлетворённо подвинула его под очечник.

Жилет уложили в тот же широкий пакет. Вера проверила, чтобы внутренние завязки не попали под сгиб, подложила светлую ткань и взялась за ручки снизу, не доверяя бумаге весь вес.

У двери Евдокия спросила:

— А ту старую переделку ты хорошо помнишь?

— Для чего делала — помню.

— Я вот не помню. Вроде всегда такой был.

Приезжая стояла за её плечом.

— Значит, хорошо сделано, — сказала она.

Вера улыбнулась в ответ. Только уже не так легко, как вчера.

***

В комнате было холоднее, чем на улице. Солнце ушло с окон, а батарея, ещё тёплая утром, к вечеру почти остыла. Вера не сняла кардиган, только закатала рукава и протёрла стол.

На этот час комната была заказана отдельно. Ни учеников, ни чужих раскроенных вещей сегодня не было. На соседнем отделении шкафа висела записка от тех, кто занимался украшением праздников: просили не двигать высокие картонные цилиндры. Вера их и не трогала. Открыла свою часть, достала чистую простыню для стола и мягкий сантиметр.

Жилет лёг передом вверх. Без домашних голосов он казался совсем обычной ношеной вещью: светло-коричневая стёжка, немного вытертый край, карманы, в которых когда-то держали нужную мелочь. Ничего тревожного в нём самом не было.

Вера измерила ширину, длину, расстояние между проймами. Проверила, где при свободном складывании получался перегиб. Записала, что подкладка внизу длиннее верха и не должна натягиваться на опоре. До внутренней фиксации дошла не сразу.

Обе короткие половины были на месте. Крепления держались. Она не стала тянуть их для проверки: для нынешней работы это было не нужно.

Тамара пришла с отрезом некрашеной хлопчатобумажной ткани, который обещала принести после библиотеки. Отрез был её собственный; Вера попросила только посмотреть плотность, прежде чем заказывать похожий.

— Здесь меньше метра, — предупредила Тамара. — На твой чехол не хватит. Не рассчитывай.

— Я и не рассчитываю. Мне потрогать.

— Потрогать у тебя обычно заканчивается расчётом.

Тамара поставила сумку на стул, сняла пальто. Увидела раскрытый жилет.

— Забрала всё-таки?

— До субботы. Для описания и размеров.

Вера растёрла между пальцами край принесённого хлопка. Мягкий, без выраженной фактуры, достаточно плотный для наружной части. Она записала ширину отреза и название магазина.

Тамара тем временем достала из сумки контейнер.

— Я поем здесь? В библиотеке не успела.

— Ешь. Только на том конце.

— Я уже поняла, где у тебя люди, а где вещи.

Она развернула ложку, завёрнутую в салфетку, и села. Вера перенесла жилет на чистую половину стола. Несколько минут слышались только постукивание ложки о пластмассу и шорох бумаги: Вера чертила контур опоры.

— Тамара, она сегодня про пояс сказала странно.

Ложка остановилась.

— Кто?

— Лариса. Что всегда затягивала сзади, чтобы перед не мешал работать.

— Ну?

Вера раскрыла полочки, показывая внутренние половины.

— После моей переделки здесь завязывают спереди, под верхней полочкой. Сзади гладко. Для этого и меняли.

Тамара наклонилась, но рук к вещи не протянула.

— Может, про старое вспомнила.

— Я спросила. Сказала, наверное, про старое. Что всё смешалось.

— За двадцать четыре года немудрено.

— Да.

Вера ответила слишком быстро. Тамара посмотрела на неё, затем закрыла контейнер.

— Что тебя смущает?

Вера поискала слова. Её смутило не незнание подробности — люди не обязаны были помнить её работу. Женщина говорила уверенно и от первого лица о привычном движении. А когда Вера уточнила, время этого движения вдруг отодвинулось в неопределённое прошлое.

— Она описала, как пользовалась им. А он уже иначе устроен.

— Люди всю жизнь называют квартиру новой. Даже когда в ней внуки выросли.

— Это не название.

Вера услышала резкость и помолчала. Потом достала из коробки ненужный учебный образец — две половины переда с боковыми участками из старой бязи. На нём показывали обработку внутреннего края. Взяла две длинные тесёмки и приколола ближе к бокам, далеко от лежавшего жилета.

— Вот прежний способ. Концы уходят назад. Если завязать, перед держится.

Она обогнула образцом невысокую коробку, свела тесёмки сзади и завязала.

— Коробка у нас сидит? — спросила Тамара.

— Пока стоит. Но если прижать к спинке стула, узел будет между спиной и стулом.

Вера развязала тесёмки, сняла булавки и убрала длинные концы. Вместо них взяла две короткие полосы, закрепила на внутренних краях переда.

— А теперь они соединяются здесь. Верхняя полочка закрывает узел. Сзади ничего нет.

Тамара обошла стол.

— Понятно.

— На настоящем жилете ровно этот принцип. Прежних креплений уже нет. Можно, конечно, обвязаться отдельным поясом поверх всего. Но это будет другой пояс, не тот, который здесь был пришит.

— Она говорила, что пришитым?

— Нет. Просто сказала про пояс. Я не стала дальше расспрашивать.

— Тогда не добавляй за неё.

Вера посмотрела на Тамару. Та не отвела глаз.

— Не добавляю.

Она сняла с образца булавки и пересчитала их, прежде чем закрыть коробочку.

— Я не говорю, что женщина не та, — произнесла Вера. — И не могу этого сказать по жилету. Но мне нужно понять, почему рассказ получился именно про то, что мы убрали.

— Нужно тебе или для чехла?

Вера провела ладонью по бязи, разглаживая залом от коробки.

— Для чехла уже не нужно.

Тамара вздохнула.

— Вот. А я пока вижу, что человек волнуется, вспоминает молодость и перескакивает через годы. Это бывает.

— Бывает. Только я не знаю, что было здесь.

Они помолчали. Из коридора донёсся звук закрываемых рольставней: в торговом помещении внизу заканчивали работу.

— В альбоме последний приезд есть, — сказала Тамара. — Две тысячи четвёртый. Я видела этот раздел, когда заходила до тебя. Если тогда уже переделано, на каком-нибудь снимке может быть видно.

— Вчера один смотрели. Жилет на ней, но переда толком не разглядеть.

— Можно попросить остальные.

— Сами посмотрят, что готовы показать.

— Я и не предлагаю нести альбом сюда.

Тамара снова открыла контейнер, но есть не стала. Сидела, держа ложку за самый конец.

— Только не надо пока превращать это в разговор на весь город.

— Я тебе сказала, потому что ты меня к ним привела. И сама там бываешь.

— Понимаю.

Вера открыла тетрадь на странице заказа. Под размерами записала устройство внутренней фиксации, затем отдельно: «По моему воспоминанию, переделка 2003 года: убрать узел со спины для работы сидя».

Она перечитала. В первой строке было то, что лежало на столе. Во второй — то, что помнила она сама. Примерку на кухне записывать подробно не стала: ни точного дня, ни всех слов у неё не сохранилось.

Тамара доела остывший обед. Вера сделала из двух соединённых листов бумаги раскладку опоры, наметила сгиб и проверила на ней размеры жилета, не прижимая ткань. В таком виде свёрток получался шире, чем ей виделось на утреннем рисунке.

— На полку может не войти, — сказала она.

— Сложить ещё раз?

— Тогда весь смысл пропадёт. Пойду покажу. Они ещё дома.

Она упаковала жилет, уложила его в свою часть шкафа так, чтобы сверху оставалось свободное место, и заперла дверцу. На столе остался учебный образец с дырочками от булавок. Вера убрала его последним.

***

До Садовой она шла через площадь. У остановки стоял автобус с открытыми дверями; водитель вышел размять плечи, и люди проходили мимо него, не спрашивая, скоро ли отправление. Вера посмотрела на часы. Без десяти шесть. До дома Кирсановых оставалось восемнадцать минут.

По дороге ей хотелось ещё раз проверить формулировку приезжей. «Всегда затягивала» — или просто «затягивала»? Слово «всегда» она помнила, но теперь, повторив про себя несколько раз, перестала доверять точности. Само действие оставалось ясным: назад, чтобы не мешало впереди.

Можно было при следующем визите спокойно попросить посмотреть фотографии. Можно было спросить Ольгу, показывала ли приехавшая сестра документы. Вера даже знала, как начать: не с жилета, а с того, что после долгой разлуки вещи и рассказы не заменяют обычной проверки.

От этой мысленной фразы ей стало не по себе. Во вторник она вошла к людям как мастер. В четверг уже несла туда вопрос, который изменил бы смысл её первых двух посещений.

Евдокия открыла не сразу. За дверью послышались шаги, затем тихий разговор. Вера успела подумать, что надо было позвонить с улицы, хотя о возвращении они договорились.

Приезжая впустила её, придерживая дверь.

— Проходите. Она только села, я не дала вставать.

Из комнаты отозвалась Евдокия:

— Я и сама не собиралась.

Хозяйка сидела на диване. Рядом лежали очки и раскрытый альбом, но не тот, бордовый, который смотрели вчера, а маленький, с фотографиями в прозрачных кармашках. Приезжая села возле неё, и Евдокия сразу взяла её за руку. Не схватила, не потянула к себе — просто накрыла пальцы своей ладонью.

— Показывай, что получилось, — сказала она Вере.

Вера развернула бумажную раскладку. Та зашуршала и никак не хотела распрямляться по сгибу. Приезжая приподнялась, чтобы помочь, но Евдокия не отпустила её руку.

— Я сама, — сказала Вера.

Она поставила сумку на край бумаги и показала ширину.

— Вот столько нужно свободного места. Если убрать наволочки, войдёт?

Евдокия посмотрела на шкаф.

— Там глубина хорошая. Оля мерила, когда корзину покупала.

— Корзина уже этой.

— Тогда давай проверим.

На этот раз проход был свободен. Вера открыла нижнюю дверцу с разрешения хозяйки. Наволочки лежали двумя стопками, за ними помещались плоская коробка и свёрнутая дорожка. Она ничего не вынимала, только приложила сантиметр к переднему краю полки, затем измерила глубину.

Раскладка входила, но не расправленной целиком.

— Со сгибом, как я показывала, поместится. Коробку надо будет убрать. И сверху уже ничего не класть.

— Коробку Оля возьмёт. Там её старое.

Вера вернулась к столу.

— Тогда этот вариант. Верх открывается весь, жилет можно поднять вместе с опорой. Но окончательно утвердим в субботу, когда верну вещь.

— Хорошо, — сказала Евдокия. — Деньги тебе сейчас?

— За предварительную часть можно сейчас. Остальное после согласования.

Евдокия высвободила руку, взяла кошелёк с тумбы и отсчитала пятьсот рублей. Вера внесла оплату в запись, оставила хозяйке подтверждение. Всё это время приезжая сидела рядом и смотрела, как Евдокия застёгивает тугую кнопку кошелька. Помогать не тянулась.

— Оля скоро будет? — спросила Вера.

— После закрытия ещё отчёт, — ответила Евдокия. — Позже. А тебе она нужна?

Вот он был, удобный вопрос. Без всякой необходимости выдумывать начало.

Вера убрала ручку.

— Хотела с ней поговорить.

— Позвони. Она возьмёт, если не с человеком.

Телефон лежал у Веры в сумке. Номер Ольги был записан. Можно было выйти на лестницу, можно было попросить перезвонить после работы.

Приезжая тем временем подняла с дивана маленький альбом.

— Мы тут смотрели, как ты цветы на балконе разводила, — сказала она Евдокии. — У тебя тогда всё в банках стояло.

— Потому что горшков не было хороших. А банки хорошие были.

Она открыла страницу, подвинула альбом, снова коснулась руки женщины рядом. Вера увидела её большой палец с потемневшим ногтем, медленно погладивший чужое запястье.

Спросить о документах при ней означало совсем не то же, что спросить о ширине полки. Вера знала: после этого Евдокия будет смотреть на приезжую иначе хотя бы несколько минут. Может быть, недоверчиво. Может быть, ещё крепче держать, уже защищая от вопроса.

— Я завтра утром позвоню, — сказала Вера. — Сейчас не срочно.

Евдокия кивнула и повернула альбом к свету.

Вера попрощалась. На лестнице остановилась, поправляя в сумке рисунок, хотя он лежал ровно. Достала телефон. На экране не было пропущенных звонков, и ничто не мешало набрать Ольгу прямо сейчас.

Она убрала телефон обратно.

Не срочно — это Вера сказала сама. Никто не просил её подождать до утра.

***

Дома она разогрела суп и съела его, не включая телевизор. Потом вымыла тарелку, вытерла стол и перенесла на лоджию два образца для своего пальто.

За день ткань не изменилась. Та, что была мягче, по-прежнему хорошо ложилась в складку, но край воротника на пробе оставался вялым. Вторая держала форму, зато в согнутом виде давала больше толщины, чем хотелось. Утром Вера собиралась попробовать её с другой прокладкой. Теперь вырезала небольшой прямоугольник, положила на него подготовленный кусочек и потянулась к утюгу.

В голове снова прозвучало: «Чтобы впереди не болталось».

Она отставила утюг на подставку. Нельзя было приклеивать прокладку, думая о чужом поясе. Испортишь образец, потом решишь, что ткань плохая.

Позвонил Олег.

— В воскресенье мы к реке собираемся? — спросил он. — Я хотел время уточнить.

— Собираемся. Если дорожку не размыло.

— Я сегодня проходил начало. Там сухо. Дальше не знаю.

Вера посмотрела на календарь. На воскресенье карандашом стояло: «Кирсановы — вечер?» Внизу, уже ручкой, была записана прогулка.

— Меня ещё в гости зовут, — сказала она. — Не окончательно. Я пока не обещала.

— На какое время?

— Тоже не решили.

— Тогда мне трудно от него оттолкнуться.

Она улыбнулась.

— Мне тоже. Давай наши три часа оставим.

— В три хорошо. Только я до двух занят. У нас дополнительная репетиция, к выступлению.

— Ты же говорил, по воскресеньям не будет.

— Говорил. Теперь будет. Не каждое.

В его голосе слышалось обычное раздражение человека, чьё расписание поправили без него, но отказываться он, судя по всему, не собирался.

— Если затянется, напишу, — добавил Олег. — Хотя я предупредил, что уйду.

— Тогда в три. От площади?

— Да. Ты устала?

Вера прижала образец пальцем, чтобы тот не свернулся.

— Немного. Два раза сегодня к заказчице ходила.

— Что-нибудь сложное?

— Вещь старая. Сама работа небольшая. Больше разговоров получилось.

— Хочешь рассказать?

Она посмотрела на законченный макет, висевший у двери. Светлая пробная ткань почти сливалась со стеной; тёмные контрольные отметки оставались видны.

— Пока нет. Я сама не разобралась, что меня задело.

— Хорошо.

Он рассказал, что на репетиции один из певцов принёс всем распечатки слишком мелким шрифтом и теперь руководительница требовала перепечатать, хотя тот уверял, что сэкономил целых восемь листов. Олег собирался сделать себе крупнее.

— Всем? — спросила Вера.

— Себе. Остальные сами сказали, что им видно.

— Тогда и пусть видно.

Они договорились ещё раз списаться в субботу. После звонка Вера всё-таки сделала пробу: выдержала время, не двигая утюгом, оставила ткань остывать на плоской поверхности. Результат утром будет понятнее. Сегодня решать, из какого материала кроить пальто, она не стала.

Перед сном Вера открыла тетрадь. На странице заказа уже были размеры и описание. Под ними она добавила две короткие строки, не пытаясь воспроизвести весь разговор.

«Внутренние короткие завязки соединяются спереди. Действующих наружных креплений нет».

Ниже:

«При осмотре рассказала, что затягивала пояс за спиной. После вопроса отнесла это, предположительно, ко времени до переделки».

Вера перечитала запись. Из неё не следовало, кто эта женщина. Не следовало даже, что она сознательно сказала неправду. Был жилет с определённым устройством и рассказ о пользовании им. Пока они расходились.

Она перевернула страницу к завтрашним делам и записала первой строкой: «Утром позвонить Ольге».

Телефон лежал рядом. Вера ещё могла позвонить сегодня, но закрыла тетрадь и поставила аппарат на зарядку. До утра оставался тот самый вечер, который она решила Евдокии не портить.

Глава 4. До результата

Вера позвонила Ольге, прежде чем сняла с гладильной доски вчерашний образец.

— Мне нужно с вами поговорить. О жилете. Не о цене.

В трубке что-то стукнуло, затем стало тише.

— С ним что-нибудь случилось?

— Нет. Он в шкафу, как оставила. Я вчера услышала кое-что, что не сходится с переделкой. Хочу рассказать точно.

Ольга помолчала.

— Я через сорок минут к маме пойду. Можете подойти к моему дому? Лучше сначала без неё.

Вера согласилась. Девятого апреля утро было светлым, но по двору ещё ходили в застёгнутых куртках. Она убрала образец в сторону, не оценивая, удачно ли легла прокладка. На сегодня у неё оставался час послеобеда; если вернётся вовремя, займётся тканью тогда.

Ольга ждала у подъезда с сумкой через плечо. В руке держала маленький пакет из аптеки.

— Давайте здесь пройдём, — сказала она. — На скамейке мокро.

Они пошли вдоль дома. За низкой оградой кто-то выставил на землю два пустых цветочных ящика. В одном лежала ложка.

Вера рассказала о завязках. Не стала начинать с того, как долго работала закройщицей и почему помнит такие вещи. Описала старый узел, который мешал сидеть, короткие внутренние половины, вчерашние слова приезжей.

— Я переспросила, до переделки это было или после. Она сказала: наверное, до. Что годы перепутались. Такое возможно.

— Значит, она могла просто забыть?

— Могла. По жилету я не могу сказать, кто перед нами. Но сама вещь теперь устроена иначе, чем она сначала описала.

— И вы это вчера услышали?

— В четыре. Потом ещё вечером заходила с раскладкой для полки.

Ольга остановилась у края дорожки.

— А мне звоните сегодня.

— Да. Я могла позвонить вечером. Решила отложить.

— Почему?

Вера посмотрела на аптечный пакет. Под тонким пластиком проступали углы коробок.

— Ваша мама сидела с ней. Держала за руку. Мне не хотелось в тот момент начинать.

— Маме не хотелось начинать. Или вам?

— Мне.

Ольга отвернулась к окнам первого этажа. На подоконнике стояла кошка и следила за ними, поворачивая голову.

— Я вчера тоже не начала, — сказала Ольга. — Пришла после смены, мама довольная. Они фотографии смотрели. Я спросила про паспорт, она сказала, что опять сумку в гостинице оставила. Мама сразу: что ты пристала, человек только приехал.

— Она раньше обещала показать?

— В первый день. В сумке осталось, не хотела с порога начинать с документов. Я понимаю, что это можно сказать в первый вечер. Но сегодня пятница.

Вера помнила, как сама вошла в комнату во вторник и почти сразу стала говорить о жилете. Приезд уже состоялся, имя уже было произнесено. Ей досталась будто бы простая часть: посмотреть ткань, назвать работу.

— Вы её наедине просили? — спросила она.

— И наедине, и при маме. Не с порога же я ей руку выкручивала.

— Я не это имела в виду.

— Знаю. Но вы все спрашиваете так, словно надо найти, где я неправильно попросила.

Они снова пошли. Вера не ответила сразу. В Ольгином голосе слышалась резкость, и Вере по привычке захотелось отделить разумный вопрос от обиды, которую та в него вкладывала. Она ещё не знала, как это сделать, не отняв у Ольги право на оба.

— Я про обращение в полицию хотела уточнить, — сказала Вера. — Тамара говорила, что вы её искали.

— В двадцать пятом. Она перестала отвечать, и я подала заявление. Её нашли. Не по фотографии решили, не кто-то передал, что видел. С ней сотрудник лично разговаривал, документы проверили. Нам сообщили: жива, в безопасности. Адрес раскрывать не хочет.

— Вы с ней после этого говорили?

— Нет. Она не захотела. Мама говорит: не могла. В ответе было не «не могла».

Ольга переложила пакет в другую руку.

— Мы её не объявляли умершей. И через суд безвестно отсутствующей не признавали. Она была жива и решила нам не отвечать. Мне это не понравилось. Но это всё-таки другое.

Вера кивнула.

— А теперь вернулась.

— Вот я и хочу понять, кто вернулся. Я сестру двадцать три года не видела. В молодости мы были похожи, потом обе изменились. У этой женщины знакомые движения бывают. И голос иногда… Но я ведь уже жду знакомого. Сама начинаю подставлять.

Она сказала последнее сердито, словно злилась на себя за плохую работу.

— У мамы ещё денежное дело идёт, — добавила Ольга. — Тот конверт, который вы видели, из суда. Она требует вернуть заём. Лариса с этим связана. Поэтому мне мало того, что человек знает, где раньше шкаф стоял.

— Вам уже что-нибудь предложили подписать?

— Мне — нет. Про маму не знаю. Вчера при мне говорили, что надо спокойно всё уладить. Я сегодня собиралась звонить в полицию, даже без жилета.

У соседнего дома Ольга достала ключи.

— Вы со мной пойдёте? Скажете маме сами. Только, пожалуйста, не надо ей говорить, что я вас послала.

— Не скажу. Я пришла со своим вопросом.

***

Евдокия открыла не сразу. Из-за двери донеслось: «Сейчас, руки вытру», — и только потом заскользил засов.

— Вы вместе? — спросила она, пропуская их в прихожую. — Оля, я же сказала, хлеб есть.

— Это из аптеки.

— Тогда на кухню положи. Лариса позже придёт.

Ольга сняла пальто, аккуратно повесила его на плечики. Вера заметила, что на свободном крючке уже висело полотенце для приезжей. В среду его не было.

На столе стояли чашка и тарелка с половиной сырника. Евдокия села, но чашку к себе не придвинула.

— Что у вас?

Ольга осталась стоять.

— Мам, я хочу, чтобы проверили её документы.

— Я слышала вчера.

— Не только показать нам. Нужно установить, что это действительно Лариса. С учётом суда я ждать больше не буду.

— Ты уже решила.

— Обратиться — решила. Тебе рассказать пришла.

Евдокия посмотрела на Веру.

— А жилет зачем?

— Он никуда не делся, — сказала Вера. — Я хочу объяснить, что вчера заметила.

Она повторила рассказ короче, чем Ольге. Евдокия слушала, иногда проводя пальцем по краю тарелки. На словах о спинке стула кивнула.

— Да, она за столом много сидела. Всё жаловалась, что давит. Но разве нельзя забыть, что где завязывалось?

— Можно. Я не говорю, что нельзя. После моего вопроса она сама предположила, что вспоминает время до переделки.

— Ну вот.

— Только это не подтверждает её имя. Как и то, что жилет настоящий.

Евдокия отодвинула тарелку.

— Вы думаете, я его вместо паспорта разглядывала? Я на человека смотрю.

— Мам, я тоже на человека смотрю, — сказала Ольга. — И хочу сестру, а не проверку. Но у нас есть дело о деньгах. Ты это сама знаешь. Если она говорит о нём от имени Ларисы, надо понимать, с кем мы разговариваем.

— Значит, из-за денег?

— И из-за них тоже. Мне нельзя сделать вид, что их нет.

Вера слышала, как Ольга сдержалась перед последними словами. Ей хотелось поддержать её, но готовой мягкой фразы не было. Любая сейчас могла прозвучать как совет Евдокии не упрямиться.

— Я не предлагаю вам перестать радоваться, — сказала Вера. — И не могу подтвердить, что вы ошиблись. Я могу рассказать только про свою работу и вчерашний разговор. Остальное должны проверить не мы.

Евдокия поднялась. Перенесла чашку на кухню и вернулась уже без неё.

— Хорошо. Обращайтесь. Я не стану прятаться, если спросят. Только не говорите потом, будто я сама её выгнала.

— Никто не просит выгонять, — ответила Ольга.

— Сегодня не просит.

Ольга села на край стула и набрала номер, который нашла в старой переписке. Назвалась, напомнила об обращении двухлетней давности. Потом сказала:

— Сейчас другое. Приехала женщина, представляется моей сестрой. Есть сомнения в личности. И рядом идёт спор о возврате денег моей матери.

Она не включала громкую связь. Вера слышала только её ответы: когда приехала, где сейчас, показывала ли документы. Ольга записала время, уточнила, куда подойти, и убрала телефон.

— Можно сегодня. Я пойду с бумагами. Мам, твой экземпляр договора и судебное письмо где?

Евдокия указала на нижний ящик.

— В синей папке. Не перепутай с медицинской.

Ольга достала папку, открыла так, что Вере был виден только чистый оборот верхнего листа.

— Покажу то, что относится к обращению. Оригиналы верну.

— Я с вами поеду, — сказала Евдокия.

Ольга подняла голову.

— Тебе необязательно сейчас. Можно сначала мне.

— Я сказала, поеду. Это мои деньги и ко мне приехали. Пальто только достань.

Пока Ольга вызывала такси, Евдокия доела сырник стоя. Вера отвернулась к окну, чтобы не торопить её взглядом.

В отделе пришлось подождать. В приёмной мужчина в рабочей куртке заполнял бланк, всё время сверяясь с телефоном. Евдокия сперва села рядом с дочерью, потом попросила поменяться: от двери тянуло. Вера устроилась напротив. Ничего торжественного в их поездке не было. Папка сползала с Ольгиных колен, у Евдокии расстегнулась пуговица на манжете, и она застегнула её сама, отведя Верину руку.

Антон Белозёров, выйдя к ним, узнал Веру, поздоровался и сразу спросил, кто обращается.

— Я, — сказала Ольга. — По поводу женщины у моей матери.

Он сначала пригласил Кирсановых. Вера осталась в коридоре. Дверь закрылась, и голоса перестали различаться. Она достала свою тетрадь, раскрыла на записи о жилете и закрыла чистым листом размеры: они для этого разговора не требовались.

Её позвали позже.

Белозёров не попросил высказать мнение о приезжей. Уточнил, когда Вера впервые увидела её, знала ли Ларису прежде и что именно узнала при осмотре.

— Свою работу, — сказала Вера. — Не лицо. С Ларисой я не была близка.

— Когда делали переделку?

— В две тысячи третьем. По памяти. Старую запись сейчас не предъявляю — я её не искала.

Он записал это отдельно.

На рассказе о поясе остановился:

— Она сказала, что завязки были пришиты?

— Нет. Сказала про пояс, что затягивала за спиной. Я увидела, что на вещи действующих наружных креплений нет. Но отдельного пояса при мне никто не обсуждал.

— После вашего вопроса что ответила?

Вера передала оговорку о времени до переделки. Белозёров попросил не заменять её словами «отказалась от прежнего объяснения».

— Я так и не считаю, — ответила она.

— Хорошо. Нужно, чтобы и в объяснении не получилось твёрже, чем было.

Когда он дал ей прочесть запись, Вера исправила одно место: жилет она осматривала не для ремонта, а для изготовления чехла. Отметила, что вещь находится у неё с согласия передавшей женщины до субботы, для измерений и описания состояния.

— Если понадобится, я на другом куске ткани покажу, как это работает. Сам жилет распарывать не надо.

— Возможность учтём. Пока ничего дополнительно с ним не делайте. Если потребуется осмотр, с вами свяжутся.

Белозёров объяснил, что сообщение зарегистрировано, сведения будут проверять по компетенции. Материалы о предполагаемом имущественном обмане передавались Ирине Павловне Малининой. Вера помнила её по прошлогоднему делу, но имя не сделало нынешний разговор домашним.

— Срок, когда будет результат, я вам сейчас не назову, — сказал он. — Проверять начинаем сегодня. Если появится новый документ или требование что-либо подписать, сообщайте. И сохраняйте сообщения в исходном виде.

— А гостиницу вы проверите? — спросила Ольга.

— Сведения, необходимые для установления личности, запросим. Вам ходить по гостиницам и узнавать постояльцев не нужно.

Вера и не собиралась, однако почувствовала неловкость, словно предупреждение предназначалось прежде всего ей. Она убрала тетрадь. Её часть заняла меньше времени, чем ожидание в коридоре.

На улице Евдокия застегнула верхнюю пуговицу.

— Теперь домой. Я устала.

Ольга вызвала машину и попросила Веру доехать с ними: надо было договориться о завтрашнем просмотре фотографий. Вера посмотрела на часы. От оставленного на пальто часа уже почти ничего не оставалось, но до следующего дела она ещё успевала.

***

Приезжая ждала у подъезда.

Увидев машину, она подошла помочь Евдокии выйти. Та оперлась на поданную руку, ступила на мокрый край тротуара и сразу велела не держать её под локоть.

— Я в доме не была, — сказала женщина. — Позвонила, никто не отвечает. Хотела уже Ольге звонить.

— Ездили, — ответила Евдокия. — Сейчас поднимемся.

В квартире приезжая сняла пальто и повесила на свободное место. Ольга отнесла синюю папку в комнату. Вера осталась в прихожей: разговор о фотографиях можно было закончить и здесь.

— Завтра альбом можно будет посмотреть? — спросила она. — Раздел последнего приезда. Мне бы проверить, в каком виде жилет был уже тогда.

— Можно, — сказала Евдокия. — Только не с самого утра. Оля на работу, мы с Ларисой завтракать будем.

Приезжая повернулась.

— Вы всё-таки из-за пояса?

— Из-за разницы между вещью и рассказом, — ответила Вера. — Я не могу её сама устранить.

— Я же сказала, что, наверное, раньше было.

— Я это тоже передала.

Женщина посмотрела на Ольгу, вышедшую из комнаты.

— Кому передала?

— Мы обратились в полицию, — сказала Ольга. — Проверить личность и обстоятельства приезда.

Несколько секунд никто не двигался. Евдокия пыталась снять платок, но узел затянулся; она раздражённо потянула за другой конец.

— Из-за того, что я паспорт не принесла? — спросила приезжая.

— Из-за того, что его до сих пор никто не видел. И из-за разговоров о деньгах.

— Я не прячусь. Меня в гостинице записали, всё есть.

— Тогда проверят, — сказала Ольга.

Приезжая подошла к Евдокии и спросила, можно ли развязать. Та позволила. Узел поддался сразу, женщина расправила платок и положила на тумбу.

— Мам, ты тоже решила, что я чужая?

Евдокия посмотрела на неё снизу вверх.

— Я решила, что раз надо проверить, пусть проверяют. Я там так и сказала.

— А со мной поговорить нельзя было?

— Тебя просили документ показать, — ответила Ольга.

— Я с матерью разговариваю.

Вера отступила к двери, собираясь проститься, но Евдокия остановила её.

— Вера, погоди. Раз уж ты слышала. Сядем все. В прихожей у меня ноги заболят.

Они прошли в комнату. Евдокия устроилась на своём месте. Ольга осталась у шкафа, приезжая села боком к столу. Из сумки она достала прозрачную папку с одним сложенным листом.

— Я не хотела сегодня с этого начинать, — сказала она. — Но теперь, наверное, лучше сразу. Ты деньги через меня ждала. Я их получила. Они до тебя не дошли — это уже ко мне вопрос, не к человеку, который отдал. Я не отказываюсь поговорить об этом.

Евдокия отвела взгляд к окну.

— Ты вчера говорила.

— Да. И я прошу только подтвердить, что с той стороны расчёт был. Чтобы не продолжали требовать то, что уже выплачено.

— Кому выплачено? — спросила Ольга.

— Мне. Для мамы.

— Мама ничего не получила.

— Я сейчас ровно это и сказала.

Приезжая вынула лист и положила перед Евдокией. Вера не наклонилась над ним. Сверху было несколько строк мелкого текста, ниже — широкое пустое место.

— Это что? — спросила хозяйка.

— Подтверждение. Что обязательство исполнено. Сегодняшнее, не старой датой. Тебе не надо писать, будто ты сама брала деньги в руки.

Ольга подошла к столу.

— Ты хочешь, чтобы она сейчас подписала?

— Я хочу, чтобы она прочла. Ты уже решила, что я заставляю?

Евдокия надела очки. Подвинула лист, прочла сначала верх, затем несколько строк ниже. Палец задержался в середине.

— Здесь не написано, что я не получила.

— Там написано, что через тебя, — сказала Ольга.

— Через меня и было, — ответила приезжая. — Для того меня и указали.

Вера поняла, что речь идёт не просто о семейном обещании передать деньги. Но спрашивать сейчас об условиях, которых она не видела, не стала.

— Можно мне прочесть то место, о котором вы говорите? — спросила она у Евдокии.

Та развернула лист. Вера придержала его за свободный край. Вступление с реквизитами осталось под Евдокииной ладонью; Вера прочла абзац, на который та показывала.

В нём было сказано:

«Подтверждаю, что денежное обязательство передо мной исполнено полностью путём передачи денежных средств Ларисе Григорьевне Кирсановой. Претензий в связи с возвратом суммы займа не имею».

Вера прочла ещё раз. Здесь не было ни слова о том, от кого Евдокия узнала о передаче.

— Вы сами этот расчёт видели? — спросила она.

— Нет. Мне говорят сейчас.

Приезжая подняла голову.

— Я говорю. Я там была.

— Я услышала, — ответила Вера. — Но в листе написано не «Лариса сообщила, что получила». Здесь Евдокия Петровна подтверждает, что долг возвращён.

— А как ещё написать? Если я получила.

— Я не знаю, как следует написать документ по вашему делу. Это надо обсуждать с тем, кто помогает Евдокии Петровне в суде. Но вижу, что устный рассказ и её собственное подтверждение — не одно и то же.

Ольга протянула руку к листу. Евдокия прижала его ладонью.

— Я ещё читаю.

Ольга убрала руку, и Вере стало стыдно за мгновенное облегчение: сейчас заберут бумагу, спор прекратится. Не забрали.

— Евдокия Петровна, — сказала она, — я прямо советую вам ничего о денежном расчёте не подписывать до установления личности. Ни этот лист, ни другой с похожим смыслом. Потом отдельно надо будет проверить сам расчёт.

Приезжая тихо рассмеялась, без веселья.

— Значит, теперь каждое семейное слово надо доказывать? Про отца тоже? Про то, как мы жили?

— Про отца можно разговаривать, — ответила Вера. — А здесь у вас подпись для денежного дела.

— Вы думаете, я не понимаю разницы?

— Я не знаю, что вы думаете. Я говорю, почему не стоит торопиться с этой бумагой.

Женщина отвернулась. Вера увидела, как она несколько раз разгладила пустую прозрачную папку. Край пластика загибался обратно.

Евдокия сняла очки.

— Оля, ты можешь не стоять у меня над плечом?

Ольга села на диван, почти не согнув колен.

— Мам, пожалуйста, дождись результата. Мы только что для этого ездили.

— Мы ездили, чтобы узнать, кто приехал. Я согласилась. Но я не обещала спрашивать у тебя разрешение на каждую подпись.

— Я не разрешение предлагаю. Я прошу подождать.

— Я слышу.

Евдокия положила очки поперёк листа. Приезжая не пыталась подвинуть к ней ручку; ручки на столе вообще не было. От этого Вере не стало спокойнее. Всё происходило без нажима, который можно было бы остановить одним резким словом.

— Я сейчас подписывать не буду, — сказала хозяйка. — Мне надо подумать.

— До проверки? — спросила Ольга.

— Я сказала: подумать.

За окном прошла женщина с детской коляской. Колесо застряло в неровности у подъезда; она потянула ручку на себя, подняла переднюю часть и поехала дальше. Евдокия следила за ней, пока коляска не скрылась.

Вера встала.

— Я пойду. Завтра по жилету созвонимся утром. Альбом без вас смотреть не стану.

Ольга кивнула, но не поднялась. Приезжая смотрела на свои руки.

Евдокия убрала очки в футляр, сложила лист по прежнему сгибу и подвинула под бордовый альбом. Белый угол остался виден возле потёртого переплёта.

В прихожей Вера долго попадала рукой в рукав пальто. Ей хотелось вернуться и ещё раз попросить подождать — другими словами, более убедительно. Но Евдокия всё услышала. Лист оставался неподписанным, у себя дома, под её альбомом. Вера застегнула пальто и вышла.

Глава 5. Не та помощь

Ольга подставила под край альбома сложенное полотенце.

— Иначе он закрывается. Переплёт тугой, а листы уже вылезают.

Евдокия придвинула к себе очки.

— Не вылезают. Ты слишком широко раскрываешь.

Альбом лежал на столе между ними. Белого листа под ним больше не было. Вера заметила это, но спрашивать с порога не стала: она пришла посмотреть фотографию, а не проверить, на месте ли чужой документ.

В субботу, десятого апреля, окна у Кирсановых были открыты на узкую щель. Из кухни тянуло варёным картофелем. Приезжая пришла, как обещала, к половине девятого; теперь Вера слышала, как та переставляет посуду. Ольга уже успела сходить по своим делам и вернулась к приходу Веры. На работу ей нужно было позже.

— Вот до этого места я вчера дошла, — сказала она, придерживая страницу. — Дальше уже дача.

— Не дача. Сначала у Нади были.

— Мам, я про фотографии.

— А я про что?

Евдокия перевернула лист сама. В прозрачных карманах лежали снимки разного размера: садовый стол, люди у автобуса, мужчина с ведром возле крыльца. Она задержала палец на одной карточке, потом убрала.

Вера сидела сбоку, не пытаясь заглянуть на следующую страницу. Вчера вечером она ещё раз мысленно возвращалась к просьбе Евдокии: надо подумать. Сколько времени требовалось на такое решение, Вера не знала. Ей хотелось считать, что до понедельника ничего существенного уже не произойдёт. Но у семьи были суббота и воскресенье, которые предстояло прожить, а не просто переждать до ответа из отдела.

— Это сорок лет Ларисе, — сказала Ольга. — Две тысячи четвёртый. Здесь дома отмечали, потом во двор вышли.

На левом снимке несколько человек сидели за столом. За их спинами виднелась та же стенка, только на открытой полке стоял маленький телевизор. На правом — женщина в светло-коричневом жилете, чуть повернувшись, придерживала ладонью раскрытый край. Другую руку она подняла к лицу. Солнце заставило её прищуриться; тень от ветки пересекала лоб и щёку.

— Вот здесь, — Ольга подвинула альбом.

Вера надела очки.

Печатная фотография была небольшой. Но вытянутые ромбы стёжки различались, как и тёмная полоса с внутренней стороны переда. Ниже руки, придерживавшей край, виднелась короткая завязка. Вторая половина уходила внутрь; соединение приходилось на перед, а не на бок. Длинных наружных концов, которые можно было бы отвести за спину, на снимке не было.

— Можно вынуть? — спросила Вера.

Ольга посмотрела на мать.

— Вынимай, — разрешила Евдокия. — Только за угол не тяни. Там прилипает.

Ольга осторожно освободила карточку и положила на чистый лист бумаги. На обороте были написаны месяц и год. Почерк Вере ничего не говорил.

— Моя запись, — сказала Ольга. — Я тогда сразу подписывала. Тут не только по ней: в конверте ещё снимки со стола, мы одной плёнкой снимали. Конверт тоже остался.

— День рождения весной, а в жилете, — заметила Евдокия. — Холодно в тот год было.

— Она на улицу его надела. В квартире сняла.

Вера приблизила фотографию к окну. Лицо женщины можно было рассмотреть лучше, но от этого уверенности не прибавлялось. Её собственное лицо на снимке двадцатитрёхлетней давности тоже могло бы показаться знакомым не сразу. Здесь же она пыталась сопоставить нынешнего человека с тем, кого помнила прежде всего стоящим у примерочного зеркала, спиной и вполоборота.

— По лицу я ничего не скажу, — произнесла она.

— Я про жилет спрашиваю, — ответила Ольга.

Вера кивнула. Она сама поспешила оградиться от вопроса, которого ей ещё не задали.

— Переделка уже есть. Вот внутренняя полоса и короткая завязка. Так я его и устроила: чтобы соединять впереди, а на спине не было узла.

Евдокия потёрла пальцем переносицу под очками.

— Значит, она в нём тогда уже сидела без пояса сзади?

— Судя по тому, что видно, да. Нынешнее устройство к этому приезду уже было.

— А могла потом опять пояс носить? От другого чего-нибудь?

— Отдельный пояс можно надеть на любую вещь. Я этого не знаю. Но прежние длинные завязки здесь уже заменены.

Из кухни вышла приезжая. Она вытирала руки полотенцем и остановилась возле стола.

— Нашли?

Евдокия повернула к ней фотографию.

— На сорок лет. Помнишь, как холодно было?

— Вижу, что кутались, — ответила женщина.

Она наклонилась, посмотрела на снимок, но в руки не взяла. Вера услышала в этом ответе меньше, чем хотела услышать Евдокия, и заставила себя не дополнять его ни в одну сторону.

— Здесь уже внутренняя завязка, — сказала Вера. — До последнего приезда её перенесли.

— Значит, я про прежнее говорила. Я же сказала, что могла перепутать.

— Вы так и сказали. Я это помню.

Женщина перевесила полотенце через руку.

— Хорошо. А то получается, что каждую вещь теперь надо сдавать с объяснением.

Вера не стала отвечать. Снимок подтверждал устройство жилета, а не то, намеренно ли женщина ошиблась в рассказе о нём. И всё же теперь между переделкой и нынешним разговором стояло не одно Верино воспоминание.

— Можно сделать копию для описания? — спросила она у Евдокии. — И если понадобится, показать сотруднику, который ведёт проверку. Сам снимок останется у вас. Больше никому я его не отправлю.

— Делайте, — сказала Ольга.

Евдокия ещё раз взглянула на дочь, потом на Веру.

— Только эту. Стол не надо снимать.

Вера положила рядом с карточкой маленькую линейку, сделала снимок, проверила резкость. Отдельно, с разрешения хозяйки, сняла оборот. В заметке указала, откуда фотография и кто объяснил дату. Потом убрала телефон.

Ольга вернула карточку в карман альбома. На миг она задержала ладонь на странице.

— Лист я в ящик переложила, — сказала Евдокия, заметив Верин взгляд. — Не подписывала. Оля вчера про него сообщила, как просили.

— Я поняла.

— Не надо каждый раз смотреть, есть ли он под альбомом.

Вера опустила глаза.

— Да. Не надо.

***

Приезжая взяла телефон со стола, прочла что-то на экране и вышла в прихожую. Через минуту донёсся звук молнии.

Ольга подняла голову.

— Ты куда собираешься?

— Мне в гостиницу нужно. Позвонить.

Она вернулась уже с сумкой на плече. Полотенце осталось на кухне.

— Сейчас?

— Да. Я ждала, когда смогут поговорить.

— А отсюда нельзя?

Женщина посмотрела на неё, потом на Евдокию.

— Я хочу спокойно. Без того, чтобы все слушали.

— Я не спрашиваю, о чём разговор. Когда вернёшься?

— Пока не знаю.

Ольга закрыла альбом. Полотенце, поддерживавшее переплёт, осталось торчать сбоку.

— У меня через час смена.

— Я помню. Картошка готова, суп в холодильнике. Мама разогреет.

— Суп я и сама вчера сварила. Мы не об этом договаривались.

— Оля, ну что ты начинаешь? — сказала Евдокия. — Я могу разогреть.

— Можешь. И одна побыть можешь. Но ты сегодня собиралась получить заказ в оптике. Они до двух. Мы договорились, что вы сходите вместе, потом пообедаете. Я не стала никого просить.

— Я схожу в понедельник, — ответила Евдокия.

— В понедельник у них мастер не принимает. А тебе оправу подогнать нужно, не просто пакет забрать.

Приезжая перехватила ремень сумки.

— Я, может быть, быстро. Я не могу сейчас обещать.

— Ты уже обещала. В среду.

Вера увидела, как Евдокия сдвинулась на стуле, будто собиралась встать между ними. На кухне что-то закипело; приезжая сразу пошла убавлять огонь. Эта готовность сделать небольшое нужное движение ещё сильнее сбивала Веру. Женщина действительно помогала. И сейчас уходила, оставляя другим то, на что сама согласилась.

— Нельзя же сразу передавать мать человеку после стольких лет разлуки, — сказала Вера.

Ольга медленно повернулась к ней.

— Кому я её передала?

— Я не в том смысле…

— В каком? Мама у себя дома. Я живу в соседнем. Никто никому её не сдавал.

Вера почувствовала жар у основания шеи.

— Я про то, что ожиданий сразу много.

— Обед и поход через два дома? Это много? Можно было сказать в среду, что много. Или вчера. Я бы договорилась.

Приезжая вышла из кухни.

— Я не могу сейчас остаться. Извините.

Она произнесла это негромко, не глядя на Ольгу. Евдокия кивнула.

— Иди. Потом придёшь.

— Я позвоню.

Дверь закрылась. Ольга некоторое время стояла неподвижно, затем взяла свой телефон.

— Мам, ты пока не одевайся. Я узнаю.

— Что узнаешь? Мне эти очки не горят.

— Тебе дужка давит. Ты три дня старые надеваешь.

— Потому что в старых телевизор лучше.

Ольга не ответила. Она отошла к окну и набрала номер.

Вера стала собирать линейку и очки, но уходить посреди разговора было бы легче, чем остаться после своих слов. Она спросила тихо:

— Я могу ещё минут двадцать побыть, пока вы звоните. Потом у меня комната забронирована.

Ольга кивнула, уже слушая ответ.

— Здравствуйте. Это Кирсанова. Мне нужен обмен на сегодня… Нет, не заболела. Семейная договорённость сорвалась.

Она выслушала длинную реплику, прижав телефон к уху.

— Я понимаю, что выходной… Нет, просто не выйти я не предлагаю.

Вера перенесла альбом на тумбу, спросив у Евдокии, куда его поставить. Та велела положить поверх газет, потом передумала и попросила вернуть на стол.

Сама хозяйка прошла на кухню. Вера пошла следом. Суп стоял в холодильнике в небольшой кастрюле, картофель — на выключенной конфорке. Здесь не было ни бедствия, ни человека, неспособного налить себе чаю. Были очки, которые следовало забрать в определённый час, неровный тротуар, на котором Евдокия теперь предпочитала идти под руку, и обещанная Ольге возможность один день не подстраивать всё самой.

— Чашку достать? — спросила Вера.

— Достану.

Евдокия открыла шкафчик и взяла чашку с нижней полки. Вера отошла от дверцы.

Из комнаты слышалось:

— В понедельник могу за тебя… Да, двенадцатого. Полностью. Только сегодня мне надо уже скоро выходить, поэтому я и звоню.

Евдокия включила чайник.

— Она теперь будет всю неделю об этом говорить.

Вера посмотрела в дверной проём. Ольга стояла, прислонившись к подоконнику, и слушала.

— Пока она договаривается о смене, — сказала Вера.

Евдокия не ответила.

Зазвонил другой телефон — хозяйкин, оставленный возле хлебницы. На экране было напоминание. Евдокия выключила звук, сама достала из коробочки таблетку и запила водой. Вера отвела взгляд, но успела заметить, как привычно всё было расположено: вода справа, коробочка у стены, очки на шнурке. Ольга не придумывала матери беспомощность. Она обеспечивала те участки дня, с которыми одной стало труднее, и рассчитывала на обещанные руки.

В комнате закончился второй разговор, начался третий. Ольга подтверждала обмен тому, кто составлял расписание.

— Сегодня вместо меня выйдут. Я беру понедельник… Да, обе согласны. Сейчас напишу.

Она положила телефон и некоторое время набирала сообщение двумя большими пальцами. Потом пришла на кухню.

— Всё. Сегодня остаюсь, в понедельник работаю с десяти до семи.

— А ты на понедельник записывалась куда-то, — сказала Евдокия.

— Отменю.

— Можно перенести?

— Можно попробовать.

Ольга налила воду в чашку, но пакетик чая не положила. Смотрела на прозрачную воду, пока Вера не пододвинула ей коробку.

— Спасибо.

Она взяла пакетик. Рука немного дрожала — от злости или от поспешных звонков, Вера не знала.

***

Они вышли в прихожую, пока Евдокия переодевалась для оптики. Вера застегнула сумку и не стала сразу брать пальто.

— Я вам несправедливо сказала.

Ольга стояла у зеркала, поправляя воротник.

— Про передачу мамы?

— И про это. Но не только слова плохие. Я решила, что вы так настаиваете на проверке ещё и потому, что обижены, а от приезда ждёте, чтобы можно было снять с себя заботу. Про договорённость я слышала. А что вы на неё действительно рассчитывали, не подумала.

— Я и хочу снять с себя часть заботы.

Вера кивнула.

— Имеете право.

Ольга обернулась.

— Не надо мне его выдавать.

— Да. Простите. Опять не так.

Она замолчала, чтобы не испортить извинение следующим объяснением.

Из комнаты доносился шелест одежды. Евдокия искала подходящую кофту; Ольга прислушалась, но не пошла помогать без просьбы.

— Я хочу, чтобы кто-нибудь ещё мог сходить с ней за очками, — сказала она. — Иногда привезти продукты. Посидеть, поговорить, когда я не могу. Это не значит, что я за такую помощь должна принимать всё, что мне говорят.

— Не значит. Я связала одно с другим. Зря.

— И обижена я тоже. На сестру. Двадцать три года не видела. Тут не надо делать из меня совсем правильную.

— Я не собираюсь.

Ольга провела пальцем по сгибу воротника.

— Мне не нужны свидетели, что я хорошая дочь. Мне нужно понимать: если человек сказал «я буду», он будет. А если не будет — скажет раньше, чем мне обуваться на работу.

— Я понимаю.

— Сейчас — может быть.

Вера приняла это без возражения. Ольга не стала улыбаться, не коснулась её руки. Извинение было услышано; дальше у неё оставались сегодняшний день и понедельник, который только что перестал быть свободным.

В дверь позвонили, когда Вера уже надела один рукав пальто.

Приезжая стояла на площадке без сумки.

— Я ненадолго. Разговор перенесли, — сказала она. — Я подумала, может, ещё успею.

Ольга отступила, пропуская её.

— Смену уже поменяла.

— Совсем?

— Да. Человек собирается вместо меня. Обратно переигрывать не буду.

— Тогда давай я в понедельник побуду.

Евдокия вышла из комнаты в синей кофте, застёгнутой не на ту пуговицу. Ольга посмотрела, но ничего не сказала; мать сама заметила перекос, опустила глаза и начала перестёгивать.

— В понедельник приходи, — сказала она приезжей. — Днём.

— Мам, давай не будем опять договариваться за пять минут.

— Почему за пять? До понедельника два дня.

— Сегодня тоже договаривались не на лестнице.

Приезжая сняла куртку, хотя говорила, что ненадолго.

— Я понимаю, что подвела. В понедельник буду.

— Мне нужно знать не просто «буду», — ответила Ольга. — И с проверкой ничего не изменилось. Я по-прежнему жду ответа. Новых дел и бумаг до этого не надо.

— Я не про бумаги. Я предлагаю с мамой побыть.

Евдокия застегнула последнюю пуговицу.

— А я хочу, чтобы она пришла. В двенадцать можно. Оля будет на работе, я дома.

— Ты понимаешь, о чём я прошу?

— Понимаю. И ты пойми: я не обязана закрывать дверь до вашего ответа.

Ольга посмотрела на Веру. Не за поддержкой, как той сперва показалось, а потому, что Вера всё ещё стояла в прихожей и слушала чужой спор в пальто.

— Я пойду, — сказала она. — Только про жилет нужно решить. Мы договаривались до четырёх сегодня вернуть.

Приезжая повернулась к ней.

— Чехол пока не делать?

— Дальше работать я не буду до ясности с заказом и проверкой. В отделе просили пока ничего дополнительно с вещью не делать. Я могу оставить её в том же шкафу, как есть. До вторника, до четырёх. Потом отдельно договоримся, если потребуется ещё время. Вы согласны?

— Оставьте.

— Евдокия Петровна, вы тоже?

— Пусть у тебя пока лежит.

Вера достала тетрадь и записала новый срок, прочла вслух. Отдельно сказала, что пятьсот рублей относятся к уже сделанной предварительной работе: измерениям, описанию, подбору устройства под полку. Ткань для чехла она не кроила; оставшуюся сумму сейчас вносить не нужно.

— Пятьсот я назад не прошу, — ответила Евдокия. — Ты работу сделала.

— Хорошо. Тогда я закончу лист описания по своим записям. Сам жилет больше не трогаю.

Ольга открыла дверь. На площадке пахло краской: возле соседней квартиры сохла небольшая табуретка.

— Нам пора, — сказала она матери. — Пока в оптике очередь не набралась.

Приезжая вызвалась пойти с ними, но Ольга уже взяла сумку.

— Сегодня я сама.

***

В рабочую комнату Вера пришла за три минуты до своего времени. Дверь была открыта; мужчина из предыдущей аренды складывал в коробку небольшие деревянные подставки.

— Стол сейчас вытру, — сказал он. — Пыль моя.

Вера подождала в коридоре. Здесь было прохладнее, чем у Кирсановых. Из соседней мастерской доносился размеренный стук, и кто-то по телефону объяснял, что в понедельник готово не будет, зато во вторник — точно. Вера поймала себя на том, что слушает это «точно» с ненужным вниманием.

Когда комната освободилась, она повесила пальто и открыла шкаф.

Жилет лежал в запертой части, уложенный так, как она оставила его в четверг. Вера проверила только, не попало ли под дверцу что-нибудь из упаковки, и снова закрыла отделение. Для завершения описания ей хватало сделанных измерений и записей. Новый осмотр ради того, чтобы удостовериться ещё раз, ничего не прибавил бы.

На стол она положила рисунок чехла и чистый лист. Переписала размеры, состояние краёв и пройм, свободно лежащую снизу подкладку. Указала, что чистка, укрепление ткани

и распарывание не проводились. Затем добавила сегодняшний срок хранения и приостановку дальнейшей работы.

Фотографию она открыла на телефоне. На экране внутренняя завязка была видна яснее, чем на маленькой карточке. Вера увеличила только жилет, не лицо, и сверила с рисунком. Всё, что она могла уверенно сказать утром, осталось тем же: при последнем семейном приезде переделка уже существовала.

Она отправила Ольге короткое сообщение с условиями хранения, чтобы договорённость не осталась только в тетради. Потом позвонила Тамаре.

— Посмотрели альбом, — сказала она. — На снимке две тысячи четвёртого уже внутренняя фиксация. Семья дала сделать копию.

— Дату как установили?

— Сорокалетие Ларисы. Снимки лежат вместе, на обороте Ольгина запись месяца и года. Оригинал у них.

— Состояние снимка нормальное?

— Нормальное. Но я тебе его без отдельного согласия пересылать не буду. Разрешили для описания и проверки.

— Я не просила.

Вера услышала лёгкую сухость и поняла, что в третий раз за утро приготовилась защищаться раньше вопроса.

— Да. Просто говорю, как договорились.

Тамара помолчала.

— И что теперь с заказом?

— Пауза. Описание закончу, остальное потом. Фотография подтвердила переделку, не личность.

— Это я понимаю.

Вера едва не рассказала про сорванную помощь. Ей хотелось объяснить, почему голос у неё такой, и ещё — произнести вслух своё извинение при человеке, который оценит его справедливость. Но Тамара не была участницей утреннего спора.

— Если спросят про семейную запись, я пока ничего не обещаю, — сказала Тамара. — Евдокия мне вчера звонила. Говорит: позже поговорим.

— Значит, позже.

Они закончили разговор. Вера убрала телефон и занялась образцами к понедельничному уроку.

Инне нужно было показать два способа укрепления края, чтобы она сама выбрала подходящий к своей ткани. Артём прислал вопрос о поправке на примерке; Вера распечатала его фотографию, не выводя на общий лист чужие сообщения. Людмила и Галина просили время на проверку своих вещей. На занятие было отведено два часа, и Вера разложила работу так, чтобы ни у кого примерка не пришлась на последние семь минут.

После этого она достала привезённую из дома пробу для собственного пальто. Прокладка приклеилась ровно, без пузырей, но при сгибе два слоя давали слишком плотный край. Вера подержала образец в руке, отпустила. Ткань расправилась быстрее, чем ей хотелось.

Она не стала решать, что весь материал не годится. Отметила на бумажке: попробовать меньшую ширину укрепления. Приколола записку к образцу и убрала отдельно от учебных лоскутов. Следующий час для пальто был у неё завтра утром.

Телефон подал голос, когда она уже протирала стол.

Ольга написала:

«Обмен подтвердили. В понедельник с 10 до 19. Мама сказала, чтобы та пришла к двенадцати. За жилет поняла, до вторника у вас».

Вера прочла сообщение. Можно было ещё раз посоветовать не оставлять мать с приезжей. Предложить убрать документ. Напомнить, что проверка идёт. Но Ольга всё это знала и сегодня уже услышала достаточно советов о том, как распоряжаться своим днём и материнской жизнью.

Вера ответила:

«Поняла. Спасибо, что написали. Условия хранения записала».

Рядом в тетради стояли понедельничное занятие и напоминание ждать связи по проверке. Между ними не было свободной строки, которую следовало заполнить новым дежурством у Кирсановых.

Она закрыла шкаф, выключила лампу и, прежде чем выйти, написала Олегу: «Завтра в три от площади, всё в силе».

Ответ пришёл на лестнице: «Да. После репетиции успею».

Вера убрала телефон. Понедельник у Ольги теперь был рабочим, Евдокия ждала посетительницу к двенадцати, неподписанный лист лежал в ящике. Никому из них не удалось отложить обычную жизнь до того дня, когда станет понятно, кому можно верить.

Глава 6. Подпись матери

Инна застегнула жакет, посмотрела на себя в зеркало и расстегнула.

— Нет. Так я не хочу.

Вера ещё держала в руке второй образец края.

— Тянет?

— Не тянет. Всё удобно. Только я собиралась сшить жакет, а получается кофта для магазина.

— В магазин тоже можно в жакете, — заметила Галина.

— Можно. Но я хотела, чтобы он держал форму. А не соглашался со всем, что на меня надето.

Инна провела ладонью по переду. Мягкая ткань легла на руку и опустилась, повторив движение. Вера предложила ей тонкое укрепление, чтобы не утяжелять вещь; на пробе это выглядело удачно. Сейчас, на человеке, стало видно, что Инне нужна была не эта мягкость.

— Тогда сравним с другим, — сказала Вера. — Только не на всём жакете сразу.

Она положила рядом две полосы. На одной край был укреплён целиком, на другой — лишь узко вдоль сгиба. Инна по очереди приложила их к полочке.

— Этот.

— Он плотнее. На отвороте будет заметно.

— Пусть. Мне как раз это нравится.

Вера кивнула и убрала первый образец. Ей он по-прежнему казался подходящим, но носить жакет предстояло не ей.

Двенадцатого апреля в комнате уже не требовалось включать верхний свет. Солнце стояло со стороны двора, на стене медленно двигался прямоугольник от окна. На подоконнике лежали четыре ученические работы, и Вера следила, чтобы никто не положил ножницы поверх чужой ткани.

Артём принёс рубашку с двумя разными линиями бокового шва. Одну Вера отметила на прошлой примерке, вторую он провёл дома сам.

— Я посмотрел фотографию. Здесь всё равно широко.

— Надень.

— Я уже надевал.

— А теперь сядь.

Он застегнулся и сел на стул. Ткань натянулась у живота.

— По какой линии сейчас смётано? — спросила Вера.

— По моей.

— Достань телефон из кармана брюк.

Артём наклонился, придерживая рубашку.

Людмила, сидевшая напротив, подняла глаза:

— Можно просто попросить кого-нибудь позвонить. Доставать не придётся.

— Мне бы без обслуживающего персонала, — ответил он.

Вера дала ему распустить намётку с одной стороны и сколоть по прежней линии. Он сделал это сам, не спрашивая о каждой булавке, потом снова сел.

— Лучше. Но стоя лишнее остаётся.

— Немного остаётся. Посмотри сбоку.

Артём повернулся к зеркалу, расправил полочку, убрал руку.

— Тогда вашу линию оставлю.

— Не потому, что моя. Ты проверил, что в ней можешь двигаться.

— Я понял. Но записать проще: прежняя.

Он снял рубашку за ширмой и принялся переносить отметки на бумагу. Вера подошла к Галине, которая ждала проверки воротника. Людмила тем временем отмерила себе нитку, посмотрела на неё и отрезала ещё половину.

— В прошлый раз до двери хватало, — сказала она, заметив Верин взгляд. — Сегодня исправляюсь.

Час прошёл за примерками. Во второй части занятия Вера уже меньше стояла над столом: села с краю, берегла колено и смотрела, как каждый справляется с выбранной работой. Инна дважды переделала угол, но не попросила сделать за неё. Артём оставил на бумаге обе линии, подписав ту, от которой отказался. Галина закончила намётку до последнего стежка, хотя телефон в кармане её куртки несколько раз подавал голос.

Верин аппарат лежал в сумке. В начале занятия она перевела его на тихий режим и больше не доставала.

За дверцей шкафа, в отдельном отделении, оставался жилет. Срок хранения кончался завтра в четыре; Вера помнила об этом. Ни снимать его ещё раз, ни показывать группе у неё не было причины. На столе хватало вещей, которыми следовало заниматься сейчас.

Без десяти шесть она попросила убрать булавки в коробки и проверить пол.

— Я только дострочу, — сказала Инна.

— До отметки. Угол на следующем занятии.

— Там сантиметр.

— Значит, на следующем занятии у тебя будет очень короткое начало.

Инна улыбнулась, но машину остановила. Они собрали ткань, свернули удлинитель, протёрли стол. Артём задержался, чтобы подобрать упавшую под стул катушку, и вышел последним.

Когда Вера включила звук, на экране было сообщение Евдокии, отправленное двадцать минут назад:

«Вера, зайди после работы ненадолго, если можешь. Я подписала бумагу. Хочу сама тебе сказать, не через Олю».

Вера перечитала. В сообщении не было вопроса, не было просьбы успеть. К тому времени, когда телефон тихо засветился в её сумке, всё уже произошло.

Она позвонила.

— Вы сейчас одна?

— Одна. Лариса ушла.

— Я могу прийти минут через сорок.

— Хорошо. Только не надо по дороге Оле звонить. Я ей сама скажу.

— Я не собиралась.

Вера проверила, выключен ли утюг, и заперла шкаф. На этот раз ключ не сразу попал в замок: она слишком сильно прижала дверцу.

***

Евдокия открыла в новых очках. Оправа больше не сползала, и она не поддерживала её пальцем у переносицы.

— Подогнали? — спросила Вера.

— В субботу ещё. Хорошо сделали. Проходи.

В прихожей стояла сумка с пустыми банками, приготовленная к выносу. Вера обошла её, сняла пальто. Из кухни пахло разогретым супом. На столе в комнате не было ни альбома, ни белого листа — только телефон, очечник и блюдце с двумя сухарями.

— Чай будешь?

— Если вы себе будете.

— Себе буду.

Евдокия пошла на кухню, достала две чашки. Вера не двинулась следом помогать, а села на стул у окна. Через несколько минут хозяйка вернулась с подносом, поставила его на свободный край.

— Я подписала, — сказала она. — Ты сообщение прочла.

— Прочла.

— Сегодня, после обеда. Она пришла к двенадцати, как договаривались. Поели. Потом поговорили.

Евдокия села напротив и придвинула телефон.

— Я попросила снять, чтобы у меня осталось. А бумагу отдала ей.

Она несколько раз коснулась экрана, попала не туда, вернулась назад. Вера ждала. Наконец появился снимок белого листа на знакомом столе. Внизу лежал угол розовой салфетки.

— Вот. Можешь увеличить.

Вера взяла телефон из её руки. Фотография была сделана немного сверху и сбоку, но весь лист вошёл в кадр. Внизу стояли сегодняшняя дата и подпись Евдокии Петровны. Чернила в начале росчерка легли гуще, дальше линия истончалась.

Теперь Вера прочла и верхнюю часть, которую в пятницу закрывала хозяйкина ладонь.

В документе были названы Евдокия Петровна Кирсанова и Светлана Алексеевна Руденко. Сумма займа — четыреста восемьдесят тысяч рублей. Ниже утверждалось, что двадцать второго июля две тысячи двадцать пятого года Светлана Алексеевна передала всю сумму наличными Ларисе Григорьевне Кирсановой, уполномоченной принять её по договору.

Знакомый абзац остался прежним:

«Подтверждаю, что денежное обязательство передо мной исполнено полностью путём передачи денежных средств Ларисе Григорьевне Кирсановой. Претензий в связи с возвратом суммы займа не имею».

Вера вернула изображению обычный размер.

— Четыреста восемьдесят тысяч?

— Да.

Евдокия сказала это без нажима, но Вера всё равно посмотрела на неё. До сих пор за словами «заём» и «суд» можно было представлять какую угодно сумму. Теперь сумма была перед ней — намного больше той, которую можно незаметно убрать из повседневной жизни.

— Светлана Руденко — это кому вы давали?

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.